

Драко

Битва за будущее

Фантастическая повесть

Кайт

Ночное небо медленно светлело. Холодный ветер неутомимо погонял стадо глупых туч, способных лишь плакать и бесноваться в нелепом гневе, пахло мокрой травой. Вдали, где небо и земля сплетались в вечном объятии, неутомимо разгоралась заря.

"Ещё один день" – подумал я, чувствуя, как ручейки холодной воды нежно щекочут пальцы. – "Всего один день..."

То же самое я говорил себе вчера. И позавчера. И год назад.

Наверно, скажу и через год.

"Ещё один день. Выдержать всего один день..."

Открыв глаза, я вдохнул запах мокрой травы. Странно, почему раньше я никогда не замечал, сколько разных ароматов составляют этот запах. Ведь трава только с высоты кажется ровным зелёным ковром, а когда в ней стоишь, то видно каждую травинку, каждый цветок, каждую букашку. И все они живут своими, столь разнообразными жизнями. Как когда-то жил и я.

"Я трус", – мысль была не нова. Я давно уже отвык ждать перемен. Дни за днями проваливались в чёрный омут памяти, не оставляя на его жирной поверхности

никаких следов, дни за днями, год за годом... Наверно, и вправду жизнь может приспособиться к чему угодно. Я ведь живу.

Как всегда в предрассветные часы, раны пульсировали застарелой болью. Я привык даже к ней, хотя прежде боль терзала меня изнутри, заставляла биться о скалы и сползать к их подножию, бессильно оплакивая собственную трусость. Почему я не прыгнул в пропасть сразу, в тот день? Не знаю. А сейчас уже поздно сожалеть о прошлом; я привык...

– Отец, ты опять простоял тут всю ночь?

Вздвогнув, я пришёл в себя и оглянулся. Из барака глядел заспанный Сапсан, его перья были взъерошены и шевелились на ветру, словно серебряный мех.

– Нет, я недавно проснулся.

Он выбрался наружу и потянулся, игриво царапнув когтями дощатый настил. Окинул меня цепким взглядом.

– У тебя кровоточат крылья.

Я невольно перевёл взгляд. Там, где под серыми, с металлическим отливом перьями, когда-то росли мои крылья, темнели два пурпурных пятна. Вздвогнув, я поспешно отвернулся.

– В эти часы... иногда так бывает.

Сапсан тяжело вздохнул.

– Кайт, прошло уже семь лет...

– Я в порядке, сын, – мне почти удалось улыбнуться. Почти. – Ты прав, прошло уже семь лет.

Покачав головой, он молча направился в джунгли. Я вновь посмотрел на небо. Сапсан, как и все остальные, старался не летать у меня на глазах – они полагали, так я меньше страдаю. Дети, наивные дети...

– Бригадир!

Я резко обернулся. Четверо юношей из второго барака стояли на скале, не сводя растерянных взглядов с моих кровоточащих плеч.

– Что с вами...

– Всё в порядке! – оборвал я несколько жёстче, чем требовалось. Они вздрогнули. – В такую погоду раны иногда напоминают о себе.

Отвернувшись, я стремительно направился к деревьям. Магия рассвета была нарушена.

"Ещё один день"... – шептал я на ходу, мечтая о стреле или молнии, способной оборвать мою жизнь. – "Всего один день..."

Аэт

Ночное небо медленно светлело. Холодный ветер неумоимо погонял стадо глупых туч, способных лишь плакать и бесноваться в нелепом гневе, пахло мокрой травой. Вдали, где небо и земля сплетались в вечном объятии, неумоимо разгоралась заря.

"Ещё один день" – подумал Аэт, чувствуя, как ручейки холодной воды нежно шекочут босые ноги. – "Всего один день."

То же самое он говорил себе вчера. И позавчера. И год назад.

"Наверно, скажу и через год..."

Открыв глаза, эльф вдохнул запах мокрой травы. Он давно отвык ждать перемен. Дни за днями проваливались в чёрный омут памяти, не оставляя на его жирной поверхности никаких следов, дни за днями, год за годом...

Как всегда в предрассветные часы, Аэт сердцем ощущал биение пульса планеты. Обнажённый, он стоял по колена в высокой траве, закрыв глаза и внимая звукам дождя.

"Ещё один день..."

Капли, падая, творили странную мелодию рассвета. Эльф улыбнулся, вообразив себя творцом невидимой музыки, даже попытался мысленно переложить звуки на свирель. Но глубина и спокойствие его чувств требовали иного выражения.

"Я не смогу увидеть её вновь," – в который раз подумал Аэт. – "Я ощущаю лишь жалкую тень того, чем она жила..."

Медленно вздохнув, эльф открыл глаза. На светлеющем небе, одна за другой, гасли звёзды; рассвет надвигался неумолимо, прогоняя беззащитную ночь в пещеры и лесные чащобы. Солнце прекрасно, оно творит жизнь и несёт радость. Но очарования тьмы ему не познать.

– Ты пила нектар звёзд... – прошептал Аэт. – Почему я не спросил, пока мог, почему?

Отвернувшись от неба, он поднял с травы влажную тунику. Тонкий зелёный материал из растительных волокон сверкал тысячами росинок.

"Я должен вернуться" – вновь подумал Аэт. – "Ещё два года пролетели, словно два дня, пора обратно..."

Он не хотел этого. Он хотел жить здесь, на краю утёса, над океаном, под звёздами, хотел дышать запахами травы и питаться плодами деревьев, смотреть в ночное небо и мечтать, мечтать, мечтать...

Мечтать хоть раз, один– единственный раз в своей бесконечной жизни увидеть Ночь. Ту Ночь, что случайно, на короткий миг, открылась ему сто сорок лет назад.

"Этого хватило" – с горечью подумал эльф.

За время, пролетевшее после чуда, сменился даже не век – сменилась целая эпоха. Мир неузнаваемо изменился: на небесах зажглись мириады новых звёзд, мириады других навеки погасли, страны рождались и умирали, смертные воевали ради жалких мгновений триумфа – за которым следовал холодный ужас старости, превращавший смерть в избавление... Мир жил, бурлил энергией. Но Аэт помнил лишь миг встречи с Ночью, её неповторимый аромат и почти физически ощутимую ауру мудрости, её звонкую тишину и бесконечную, сказочную красоту.

"Просто ночь", удивлялись смертные. "Тебя влечёт тьма", говорили мудрые. "Ты не вернёшься", шептала душа.

"Я должен был попытаться" – ответил им всем Аэт.

Тяжело вздохнув, эльф последний раз окинул взглядом утёс, бывший ему домом на протяжении десяти лет, и лёгким шагом двинулся прочь. Никаких вещей у него не было.

Сегодня заканчивалась очистка кессона вокруг шестой опоры. Я некоторое время наблюдал, как грязная жижа из хобота насоса растекается по берегу. Ниже по течению синие воды Лейаны меняли цвет на серо- бурый, воспалённый; измельчённая порода загрязнила почти милю этой живописной реки.

"Может, так будет лучше для всех..." – родилась мысль. – "Чем быстрее обитатели леса его покинут, тем меньше их погибнет потом, когда станут рубить деревья..."

– Бригадир! – над бортиком кессона показалась голова Станаха. – Мы достигли скального основания!

– Уже? – опомнившись, я прошёл по доскам настила и спрыгнул в кессон. – Да, похоже на то. Сапсан!

– Слушаю!

– Отвес и мерную нить сюда.

– Сейчас! – шум крыльев. Я, тем временем, поднял лом и отбил кусочек скального дна реки.

– Гранит...

Станах встревожился.

– Всё хорошо?

– Глубина оказалась меньше расчётной.

Прилетел Сапсан. Вдвоём мы измерили высоту кессона и переглянулись.

– Подъём дна на семнадцать дюймов! – сын задумался. – Странно.

– Если это каверна, будет не странно, а скверно, – заметил я мрачно. – Принеси бур. Попробуем измерить толщину скалы.

Проверка отняла почти два часа, но результаты дала положительные; повышение уровня было местным, донных пустот обнаружить не удалось. Все глядели на меня, ожидая решения.

– Хорошо, закладываем опору, – решился я наконец. Парни встретили долгожданную команду смехом и хлопанием крыльев.

Я молча следил, как четвёрка Станаха выравнивает дно и кладёт первый слой каменных блоков. Сквозь непрочные стены кессона просачивалась вода, её приходилось непрерывно откачивать. А ведь эта бригада работала и ночью.

– Сапсан, Мерк, Норд – на смену! – я первым прыгнул в кессон и взялся за кирку. Утомлённые грифоны одарили нас благодарными взглядами.

– Кайт, мы совсем не устали... – попытался возразить Станак. Он, как и все остальные сегодня, смотрел на мои кровоточащие плечи.

– На смену, – непреклонно ответил я. – Отдыхаете до вечера.

Дальнейших возражений я уже не слушал, целиком погрузившись в работу. Станак, тяжело вздохнув, был вынужден уступить.

Когда солнце достигло зенита, я объявил небольшой перерыв. Опора к этому времени уже поднялась почти на два фута, каменные блоки сидели как влитые. Работалось необычайно легко. Я даже собирался вернуться в кессон до окончания перерыва, когда на стройку пожаловали гости.

Бригада отдыхала на краю временной платформы, у пятой опоры, ярдах в шестидесяти от берега. Я вновь смотрел в небо, поэтому прибывшего заметил первым.

Серебряный дракон опустился прямо перед нами, на вид ему было лет двадцать, если не меньше. Одетый в чёрное всадник, напротив, выглядел опытным воином, обветренное лицо с узкими щелями глаз покрывала сеточка шрамов. Как обычно у степняков, определить возраст по лицу не представлялось возможным.

– Перед царэгом... – я встал первым, подавая пример. Грифоны, недовольно фыркая, построились в шеренгу.

– Привет тебе, Сын Ветра, – я склонил голову. – Мы слушаем.

Мрачно усмехнувшись, всадник выпрыгнул из седла.

– Командир Кайт Кек'хакар?

"Вот оно что..."

– Уже много лет никакой не командир, – ответил я.

– Я бек– нодар Мелик Ибрагим аль Шаддати, – царэг стянул перчатки и

небрежно сунул за пояс. – Из стойбища Серебристого Ветра.

Только многолетняя привычка сдерживать эмоции позволила мне внешне остаться невозмутимым. Нукеры Серебристого Ветра отслеживали заговоры и устраняли бунтовщиков на захваченных землях Арнора и Элирании. Их агенты были повсюду. Нас держали на каторге не цепи, а твёрдое знание, что стоит нам бежать, другие пленные грифоны жестоко заплатят за нашу свободу.

– Мы слушаем, – сказал я почти спокойно.

Вместо ответа, Мелик подошёл к краю настила и довольно долго разглядывал бараки, темневшие на берегу. Его серебряный дракон, шумно вздохнув, улёгся на доски, спустил хвост в воду и со скучающим видом уставился в сторону. Мы с Сапсаном переглянулись.

– Что– то не так... – шепнул сын. Я молча кивнул. Тем временем Мелик, насмотревшись на лагерь, обернулся к нам и скрестил на груди руки.

– Мне говорили, ты построил несколько летающих машин, – заметил он сухо.

Я кивнул.

– Это было давно, ещё до... великой победы.

– Где они?

– Машины? – я удивлённо распушил перья. – Восемь лет назад они сгорели вместе с заводом эльфов.

Мелик прищурил и без того узкие глаза.

– Я слышал, там была машина, способная выдержать удар молнии. Это правда?

Сапсан невольно фыркнул. Я покачал головой.

– Нет. Однажды при испытаниях модели "92" в неё действительно ударила молния, но стальные растяжки спасли машину и она не загорелась. Потом про эту модель ходило много лживых слухов.

Я криво усмехнулся.

– Ни одна из моих машин так и не полетела. А потом началась война, нас отправили на фронт и, спустя три года, я тоже научился летать.

– Ты был врагом Чёрной Орды, – холодно ответил царег.

Мне с трудом удалось сдержаться.

– За это я уже понёс наказание, – в плечах невольно кольнуло при воспоминании. – Полтора года назад нойон Рогвальд наградил амнистией пленных, согласившихся работать на благо Орды. Теперь я простой строитель дорог.

"Из лагеря на каторгу..." – на мгновение закрыть глаза, вздохнуть, – "Зато теперь хоть есть шанс..."

– Рогвальд, из стойбища Чёрного Ветра, больше не нойон, – ответил Мелик. – Шесть дней назад он был уличён в коррупции, саботаже и измене Орде. Преступнику послали белую верёвку.

В этот раз сохранить видимость спокойствия мне не удалось. Грифоны из моей бригады взволнованно подались вперёд, у многих распушились перья.

– Это гнусная клевета, – стараясь не повышать голос, возразил я. Разум, тем временем, лихорадочно искал путь к спасению. – Нойон Рогвальд – образец верности и достоинства. Именно он пять лет назад разгромил эльфийскую воздушную дивизию, которую я имел глупость возглавлять...

Сапсан тяжело дышал. Он был совсем птенцом, когда это случилось.

– Ты защищаешь Рогвальда? – с внезапным интересом спросил царэг. – Разве не по его приказу тебя искалечили?

Закрывать глаза, глубоко вздохнуть... За восемь лет можно привыкнуть ко многому. Даже к той лжи, которую сейчас скажу.

– Я заслужил кару. Нойон Рогвальд был милостив, по его приказу и мне, и всем пленённым грифонам нашей дивизии сохранили жизнь.

– Жизнь бескрылого червяка... – проворчал серебряный дракон.

Я стиснул когти.

– Даже такая жизнь лучше, чем смерть. Крылья отрубили только мне и командирам эскадрилий, остальных пленных пощадили. Нойон Рогвальд проявил великую милость.

Глаза Мелика ещё сильнее сузились. Несколько секунд он молча смотрел мне в лицо.

– Ты не похож на сломленного врага, – медленно произнёс царэг. – Скорее, ты похож на затаившегося зверя, кроткого лишь до тех пор, пока его шея чувствует ошейник хозяина.

Сердце замерло. Миг – и всё прошло; остался лишь след в душе и тонкая боль в изуродованных плечах.

– При всём желании, – тихо сказал я, – Грифон Кайт больше не представляет опасности Орде. Кто пойдёт за вождём, неспособным летать?

Я покачал головой.

– В моей жизни уже была роковая ошибка. Достаточно.

Царэг усмехнулся.

– Я прибыл не за раскаянием, грифон. Сын твоего брата, бывший командир крыла Крафт Кек'Хакар, как ты знаешь, отказался сложить оружие после капитуляции Элирании. Он улетел в горы, собрал партизанский отряд и причинил нам много хлопот за последние годы. Пять дней назад его шайка угодила в засаду; было убито несколько грифонов, захвачено живьём два десятка. Включая и самого Крафта, почти невредимого. Что скажешь, пернатый?

Сердце гулко ударилось о рёбра.

– Это ошибка, – мне почти удалось ответить спокойно. – Мой племянник давно мёртв, погиб при осаде Редбурга...

"Небо, боги, если вы есть, отомстите им!" – но этого я вслух не сказал.

Мелик Ибрагим покачал головой.

– Ошибок мы не допускаем. – Он вытащил из- за пояса тонкий свиток. – Вот приказ о твоём аресте, здесь сказано и про Крафта.

– Приказ о моём аресте?

Бригада зашумела, грифоны захлопали крыльями. Я медленно выдохнул.

– Можно... взглянуть?

– Умеешь читать?

Я кивнул, и Мелик протянул мне свиток. Пока я читал, грифоны притихли, только Сапсан нервно подёргивал хвостом.

– Здесь сказано, что меня вызывают на военный объект "Ноль" для допроса и очной ставки с пленниками, – я поднял глаза. – Но в чём же меня обвиняют?

– Пока ни в чём, – царег усмехнулся. – Мы просто хотим задать несколько вопросов.

– Какое отношение к моему племяннику имеет военная фабрика "Ноль"?

Почему допрос назначен там?

– Потому что Крафт угодил в засаду, когда пытался похитить с фабрики одну из твоих летающих машин! – резко ответил царег. – И нам бы хотелось знать, кто рассказал о них бунтовщикам. Ещё вопросы есть?

Некоторое время царила тишина.

– Кого назначат новым бригадиром? – спросил я наконец. Сапсан вздрогнул.

– Отец, но...

– Тихо, – оборвал я. – Приказ подлинный. Я должен подчиняться.

Мелик рассмеялся.

– Хет–бэнек, Кайт! Из тебя вышел бы прекрасный актёр.

Царэг хлопнул своего дракона по крылу и повернулся к рабочим.

– Вот ваш новый бригадир. Его зовут Джедт, он двенадцать лет работал на каторжном заводе эльфов и в совершенстве изучил технику.

Грифоны переглянулись, тщетно стараясь скрыть усмешки. Молодой дракон, доставивший Мелика Ибрагима, невольно изогнул шею:

– Это правда! – возмутился он.

Теперь даже я не удержал улыбки. Дав знак бригаде притихнуть, повернулся к царегу.

– Гос...подин, – мне удалось произнести это слово почти без запинки. – Сейчас мы на очень сложном участке строительства. Я не сомневаюсь в квалификации вашего избранника, но по этому мосту будут много лет ездить торговые караваны. Дайте мне всего несколько дней, пока не будет заложена последняя опора. Тем временем Джедт познакомится с рабочими, исследует местность, подготовится к вступлению в должность...

Мелик покачал головой.

– Ты видел приказ. Не волнуйся за Джедта, драконы очень талантливы. Лучше иди, собирай вещи: отправляешься через час.

– Через час?! – я отпрянул. – Но я должен сообщить семье, что...

– Ты, кажется, не можешь летать? – оборвал царэг. – Значит, до ближайшей станции тебе придётся идти несколько дней. Я не желаю терять ни минуты, грифон; торопись.

Несколько секунд мы с Меликом молча смотрели друг другу в глаза. Затем, под взглядами всех рабочих, я медленно склонил голову.

– Как прикажете, господин.

Среди грифонов возникло короткое замешательство.

– Можно сопровождать его? – резко спросил Сапсан, выйдя на шаг вперёд. Мелик Ибрагим покачал головой.

– Дороги безопасны.

– Моему отцу трудно охотиться одному!

Царэг усмехнулся.

– Если он такой замечательный воин, как о нём рассказывают – ничего не случится. А если случится, что ж – одним пернатым станет меньше... Хватит разговоров! – неожиданно резко произнёс Мелик. – Вы все слышали приказ. Возвращайтесь к работе, и сохрани вас боги, если наместнику доложат о непослушании!

Взглянув на Сапсана, царег поманил его пальцем.

– Ты, как я слышал, пошёл весь в отца? Так вот, юный наглец: я возвращаюсь в Аль– Джеррстан на твоей спине. Ты погостишь у нас в стойбище, пока Кайт не доберётся до фабрики. И если, вдруг, Кайта долго не будет...

Узкие серые глаза обратились ко мне.

– ...всё понятно, командир?

Я заставил себя ответить спокойно:

– Всё понятно, господин.

Серебряный дракон отвернулся, чтобы не смотреть мне в лицо.

2

Утёс, где жил отшельник Аэт, находился на крайнем юге Этана, среди бесплодных и почти незаселённых земель Тер Мидлирс. Эльф избрал это место,

чтобы никто не нарушал его уединения.

Аэт шагал спокойно и легко. Приняв решение вернуться к цивилизации, он уже мысленно настроился на новый ритм жизни, годы тишины и спокойного созерцания остались позади. Отшельничество пошло эльфу на пользу; он стал спокойнее и мудрее, чем был раньше. Осознание этого слегка бодрило Аэта.

Но в целом, десять лет оказались потеряны зря. Он не сумел перейти на следующий уровень сознания. И хотя Аэт, достигнув седьмого дана "ай-кау", был одним из наиболее развитых существ своего мира, неудача его печалила.

"Я полон несовершенства" – размышлял эльф, шагая по светлой звериной тропе мимо водопада. – "И очевидно, я уже достиг предела в саморазвитии. Чтобы продвинуться дальше, нужен наставник, способный указать путь и уберечь от ошибок..."

Аэт не первый раз думал над этим вопросом. Он знал нескольких достойных наставников, способных многому его научить, но их пути формировались в седой древности, задолго до Катаклизма. С тех времён столь многое изменилось, что сейчас, вероятно, попытка следовать любому из этих путей отбросила бы Аэта назад, вместо того чтобы продвинуть дальше.

"А свой, собственный путь, я уже избрал. В ту ночь..."

Эльф постоял на берегу речки, глядя как волны с тихим шипением ласкают ярко-жёлтый песок. После грозы в воздухе чувствовалась свежесть и тонкая, неуловимая вязь энергий, слабый запах озона щекотал ноздри. Аэт невольно расправил плечи.

"Есть ли смысл в стремлении к так называемому совершенству?" – подумал эльф. – "Ведь я обманываю сам себя. Моя истинная цель – не достичь совершенства, а просто увидеть Её. Хоть раз. Вновь услышать искристый смех звёзд, ощутить биение их сердец, увидеть... Увидеть Ночь..."

Словно в насмешку, за недалёким холмом послышался щелчок арбалетного выстрела. Эльф открыл глаза.

"Арбалет," – бессмертные пользовались только луками. – "Чьей-то жизни грозит опасность."

Аэт стремительно двинулся вперёд. После встречи с Ночью он, некогда воин

давно стигнувшей страны, внезапно понял что больше не умеет нести смерть. Совсем. Поэтому первые годы после чуда Аэт провёл, странствуя по миру вместе со старым лекарем Малькольмом, обучившим его спасать жизни.

"Ты обрадовалась бы за меня..." – со странной тоской подумал эльф. В этот миг до него донёлся отчаянный, полный боли возглас.

Чувствуя, как тревога ледянит кровь, Аэт взбежал на холм. Так и есть; на старой дороге, соединявшей портовый город Эналтэ с оплотом магов Ронненбергом, стояли два фургона, крытые странной зелёной сетью с нашитыми листьями и пучками травы. Каждый был запряжён четырьмя лошадьми.

В груди Аэта гулко ударило сердце: на дороге, за последним фургоном, несколько молодых парней с оружием, в кожаных куртках, с хохотом и ругательствами избивали какого– то оборванца.

– Остановитесь! – эльф бросился вперёд. Его появление прервало забаву; люди сразу помрачнели, сгрудились кучей.

– Откуда ты взялся? – хмуро спросил один из парней.

Аэт молча провёл тремя пальцами по левому плечу и повернул к человеку открытую ладонь. Тот смачно выругался:

– Колдун!

Тем временем избитый бродяга, всхлипывая и подтирая сопли, бросился в ноги Аэту.

– Господин... защити...

– Что здесь происходит? – ледяным голосом спросил эльф. Ответил самый старший из парней, широколицый, коренастый человек лет двадцати пяти:

– Да вот... Вора поймали.

– Вора? – Аэт удивлённо поднял брови. – Что делать вору здесь, посреди дикой степи?

– А нам почём знать? – дерзко ответил парень. – Вот он, гад, его и спрашивай.

Эльф перевёл взгляд.

– Что ты хотел украсть, несчастный? – спросил он у бродяги. Тот всхлипнул.

– Господин... Я был голоден...

– Но почему же ты не попросил их поделиться едой? – удивился Аэт. – В степи

гостеприимство свято!

Люди рассмеялись.

– Да не еду он стырить хотел! – коренастый сплюнул. – Гадёныш на мой арбалет глаз положил. Видать, понимает толк, знает, сколько золота за него выручит... У– у– у, тварь вонючая!

– Хватит, – спокойно прервал Аэт. – Кусок дерева не стоит человеческой крови.

– Кусок дерева?! – парень опешил. – Да за мой арбалет любой, не глядя две сотни выложит!

Эльф покачал головой и мысленно вздохнул. Он уже привык.

– Вы достаточно наказали вора, – Аэт поклонился. – Продолжайте свой путь, дальше им займусь я.

В глазах коренастого вспыхнуло подозрение.

– Да вы, никак, заодно!

Эльф тонко улыбнулся.

– Все мы – одно, – Аэт приложил руку к сердцу. – Просто некоторым в жизни повезло больше, другим – меньше. Судьба у каждого своя, и на месте этого отверженного вполне мог оказаться и ты. Помни об этом, смертный.

– Ты кто, этот, как их... адун? – пробормотал коренастый.

– А– Дан, – поправил эльф. – Да, я один из Видящих Звёзды.

Парни переглянулись.

– Короче... – коренастый сплюнул. – Хочешь этого гада – бери, да смотри – ещё раз его увидим, вам обоим не поздоровится!

Аэт улыбнулся.

– Пути земные бесконечны, их пересечений не сосчитать. Кто знает, где и как мы встретимся вновь.

Что– то пробормотав, мужик громко выругался и махнул товарищам. Эльф долго смотрел им вслед. Потом опустил взгляд на оборванного человека у своих ног.

"Бросить его сейчас – немногим лучше, чем просто убить", – подумал Аэт. Мысленно вздохнув, он распрощался с планом побыстрее вернуться в Элиранию и опустился на корточки.

– Как ты попал сюда? – мягко спросил эльф.

Бродяга с опаской оглянулся на удаляющиеся фургоны.

– Путник я, – буркнул он. Подобострастие и готовность лизать ноги бесследно исчезли. – Спасибо.

Поднявшись с земли, оборванец тяжело вздохнул. Аэт только сейчас разглядел его в подробностях.

Хотя назвать бродягу уродом было трудно, красавцем его не назвал бы никто. Выглядел он лет на сорок – сорок пять, тощий, костлявый, с оттопыренными ушами и грязной гривой соломенных волос. Очень длинное, скуластое лицо отличалось запоминающимися, глубокими глазами странного серого цвета. Некогда прямой, властный нос был с тех пор не раз сломан и сейчас выглядел нелепой нащёлкой.

Рядом с Аэтом, который, как и большинство эльфов, был по человеческим меркам очень высок и сказочно красив, бродяга смотрелся диким зверем. Очевидно, он и сам это понимал, поскольку, окинув эльфа недобрым взглядом, решительно направился прочь. Аэт вздохнул.

– Постой... – догнав человека, он пошёл рядом. – Тебя сильно избили. Я могу снять боль.

– Обойдусь как–нибудь, – неприветливо отозвался спасённый. – Эльф, тебя уже поблагодарили. Чего пристал?

Аэт покачал головой.

– Я просто иду по дороге.

– И куда же, если не секрет?

– В Эналтэ, – Аэт улыбнулся. – Если нам по пути, веселее будет шагать вместе.

Бродяга с трудом сдержал резкий ответ.

– Спасибо, обойдусь, – выдавил он после запинки. – Я иду в Шалотт.

– Древняя мудрость гласит: желаешь сократить дорогу – возьми с собой попутчика...

– Я не желаю сокращать дорогу! – едва не выкрикнул человек.

Аэт вздохнул.

– Как хочешь, – пожав плечами, эльф резко прибавил шаг и оставил грубияна

за спиной. Погода была отличной, впереди лежал долгий путь – а что может быть приятнее размышлений на ходу? Аэт невольно улыбнулся.

"Мир прекрасен," – подумал он. – "Даже эта степь, внешне бесплодная, даёт жизнь тысячам существ, для которых она – единственный дом..."

Небольшим мысленным усилием эльф вычеркнул из памяти эпизод с бродягой, взглянул на небо – чувство погоды сказало, что до вечера не будет дождя – и погрузился в созерцание дороги. Дня за четыре он дойдёт до портового города Эналтэ, сядет на корабль и ещё до конца лета вернётся домой, в светлую Элиранию.

3

От верховьев реки Лейаны до ближайшей железнодорожной станции на крыльях можно было долететь за час. Местность здесь, у подножия горного кряжа Моргана Тирит, до сих пор оставалась довольно дикой; перемен стоило ждать лишь по окончании строительства большого торгового тракта "Северо– Восточный", который ещё в мирное время начали строить эльфы, а после войны – продолжили новые хозяева Элирании. Одним из узлов тракта являлся так и недостроенный мною мост.

"Дорога... Сколько в этом иронии", – я невольно усмехнулся. Кто бы мог подумать, что клан– командир Кайт Кек'хакар, один из самых быстрокрылых грифонов Элирании, станет строителем наземных дорог? Конечно, до войны, даже эльфы иногда использовали грифонов как универсальную рабочую силу, но одно дело – строить дороги, и совсем другое – пользоваться ими...

Между тем дорога, по которой я шагал уже второй день, совершенством не отличалась. Простая тропинка, посыпанная гравием и почти вся заросшая травой, она обтекала полуразвалившийся храм давно забытого бога, темневший в лесной чаще. На обочинах попадались сгнившие стволы деревьев, засохшая грязь в ямах потрескивала под ногами. Дорогу строили в спешке, небрежно, скорее всего – прямо во время войны. Впрочем, по сравнению с будущим магистральным трактом

"Северо– Восточный", любая дорога в Элирании выглядит тропинкой.

"Как это непохоже на эльфов" – думал я, шагая мимо руин древнего храма. – "За последнее мирное десятилетие в Элирании произошло больше изменений, чем за предыдущие десять веков, и кабы не война, сегодня эту страну было бы не узнать. А ведь эльфы терпеть не могут перемен..."

Причины крылись в опасной международной обстановке, восемь лет назад разразившейся мировой войной. Два крупнейших государства людей, Эравия на северо– западном материке и наш сосед Арнор, к тому времени набрались достаточно сил, чтобы на равных соперничать с Элиранией; а на Востоке, преступно недооценённый Владыка завершал подготовку к вторжению на Запад. Пока он собирал легионы варваров, здесь, на Западе, эльфы и люди грызлись друг с другом, словно опасности не существовало. И лишь много позже, когда Эравия сдалась на милость Чёрной Орде, Ронненберг погиб от магической атаки, а Элирания и Арнор теряли позицию за позицией, стало ясно, как глубоко успел Владыка отравить правящие дома наших стран.

Его щупальца были везде; предатели открывали ворота городов и отравляли колодцы, перед решающей схваткой загорались казармы или тетивы луков оказывались сгнившими... И хотя сам Владыка не дожил до начала войны, его место занял красный дракон Ализон. Эта тварь оказалась в сотни раз опаснее. Безусловно, Ализон был гениальным военачальником, но ему вдобавок постоянно везло, словно сам Единый спустился с небес и стоял за хвостом дракона! О, если бы маги не погибли в самом начале войны... Мы показали бы чешуйчатым гадам, на что способны Светлые силы! Но драконы понимали это не хуже нас, и первой их жертвой стал Ронненберг. Город Магов был неизвестно как обращён в камень.

После этого Эравия и её вассалы сдались Ализону без боя; только Арнор и Элирания рискнули принять вызов, но силы оказались слишком неравны. Скоро уже три года, как все земли нашего мира получили новое имя – Чёрная Орда.

Но самым удивительным было то, что эльфы, скрипя зубами, подчинились людям и драконам. Мне ли не знать, чего это стоило бессмертным? Эльфы – народ талантливый и умный, но до того гордый, что мирно сосуществовать они могут лишь с дикарями, не представляющими опасности. Сама мысль, что смертные способны –

не превзойти, о нет! Просто ДОГНАТЬ – для эльфа хуже соли в открытой ране. Уж что– что, а это я испытал на себе сполна... Незадолго до войны мой брат, Аякс, даже пытался поднять бунт среди грифонов, до того нас довело надменное чванство бессмертных.

"Куда уж дальше", – я горько усмехнулся. Тем временем на дороге показался всадник, он спокойно ехал мне навстречу и что– то мелодично напевал. Заметив меня, незнакомец широко раскрыл глаза и придержал лошадь.

"Эльф" – подумал я. Мне сегодня совершенно не хотелось общаться с эльфами, так что я молча сошёл с тропы и продолжил шагать по обочине. Согласно эльфийским обычаям, это значило что встреченный не желает говорить; в противном случае мне следовало выйти на центр дороги и стоять, ожидая пока всадник приблизится и заговорит первым.

Тот явно заметил жест, но продолжал меня разглядывать. На узком, красивом лице светились любопытством сиреневые глаза, необычные среди его родичей тёмные волосы мягко струились по плечам. Выглядел эльф совсем юным, от силы лет на пятнадцать.

– Грифон! – позвал он, когда я поравнялся с конём. Пришлось остановиться.

– Слушаю, о Дивный... – тяжело ответил я. Сейчас последует неизбежный вопрос.

– Что с твоими крыльями?

Я даже в мыслях не улыбнулся. Привык.

– Победители наказали меня за чересчур усердное сопротивление.

Молодой эльф спрыгнул с коня и подошёл вплотную.

– Можно?.. – осторожно протянув руку, он коснулся уродливого пучка перьев на моём плече и вздрогнул всем телом. В сиреневых глазах отразилось сострадание.

– Это было очень больно, да? – тихо спросил эльфёнок. Я молча кивнул. Мальчик окинул меня внимательным взглядом.

– Кто ты? Как твоё имя?

Я мысленно вздохнул. Очередной ребёнок какого– то аристократа, рос в провинциальном городке, никогда не покидал Элирании, о войне слышал только со слов старших. Дракона, должно быть, и вовсе не видал. Такие редко понимают, как

опасно в лесу подходить к первому встречному каторжнику. Лет десять назад, встретить он меня или Аякса, юнец надолго бы это запомнил и заметно поумнел бы, а так... Впрочем, он тогда и ходить не умел, наверно.

– Бригадир Кайт Кек'хакар, 9–ый рабочий лагерь, "Северо–Восточный тракт".
Эльфёнок обошёл меня кругом.

– А куда ты идёшь?

Нет, право, даже в мирное время такая наивность наказуема.

– По приказу бек–нодара Мелика Ибрагима аль Шаддати, я иду в город Нейклот, на станцию.

– Железная дорога? – он улыбнулся. – А я как раз на поезде приехал. Кайт, ты воевал за светлых или за тёмных?

Несколько секунд я молча смотрел эльфу в глаза.

– Вы приказываете мне ответить?

Он запнулся.

– Нет...

– Тогда я предпочёл бы продолжить свой путь. Время ограничено.

Мальчик неуверенно кивнул и отошёл к коню. Я быстро двинулся дальше. Оглянулся только раз, на повороте; эльф стоял там же, где раньше, и провожал меня взглядом.

"Интересно, куда он направляется?" – внезапно подумал я. – "Там, куда ведёт эта тропинка, немного обжитых мест..."

День уже клонился к вечеру, поэтому я прибавил шаг. Следовало добраться до города засветло, иначе поезд уйдёт и мне придётся ночевать в лесу. К тому же я был голоден, а на станции мне дадут поесть... наверняка дадут. Эльфы, что про них не говори, народ не злой, и к грифонам относится совсем неплохо. Пока мы послушные.

Как всегда бывает на юге, ночь наступила быстро. Аэт загодя почувствовал приближение темноты и свернул с дороги к одинокому дереву, росшему на склоне холма. Раньше, очевидно, здесь ночевали люди; кора была изрезана кинжалом, многие ветки обломаны. Эльф тяжело вздохнул.

Несколько прикосновений заживили раны дерева, помогли ему расправить крону. Опустившись на колени, Аэт бережно развёл стемельки жухлой травы и погрузил пальцы в сухую землю. Глаза эльфа закрылись.

"Гайя, помоги мне," – позвал он мысленно. Несколько секунд ничего не происходило, затем Аэт ощутил привычное тепло в жилах и улыбнулся. Открыв глаза, он увидел перед собой небольшой кустик, покрытый сочными ягодами.

– Спасибо, Гайя, – эльф поклонился земле и принялся за еду. Слабый ветерок развеивал его льяные волосы.

Окончив трапезу, Аэт облокотился на ствол дерева и закрыл глаза. За десять лет он привык обходиться без особых удобств.

"Удобства..." – эльф вздохнул. – "Смертные даже не подозревают, сколь многое теряют, отделяя себя от природы стенами из мёртвых камней или убитых деревьев..."

Покачивая головой, Аэт расслабился и погрузил сознание в пучину сна, оставив бодрствовать лишь слух. Эльфы не были рабами своих тел и в совершенстве умели ими управлять.

Несколько часов ничего не происходило. Аэт спал, тишину ночной степи нарушал лишь шелест листьев да редкие в этих местах цикады. Время уже перевалило за полночь, когда с дороги послышался стук копыт.

Эльф сразу открыл глаза.

"Всадники" – подумал он и встал, чтобы встретить гостей. Но те оказались быстрее; несколько всадников окружили дерево, один бросил аркан, захлестнувший плечи Аэта. Эльф, не делая попыток сопротивления, лишь развёл руки, показывая что безоружен.

Люди спешили. Их было семеро, одетых в чёрное, с широкими восточными поясами и в масках, закрывавших верхнюю половину лица; вороные кони отличались красотой и статью. За сотни лет жизни Аэт много раз встречал разбойников, и сейчас мог твёрдо сказать: ночные гости к ним не относились. Они принадлежали, скорее, к

сословию воинов, а предводитель – его было легко узнать по осанке – отличался хищной точностью и завершённостью движений, изобличавшей опытного бойца. Но вместе с тем, эльф отчётливо видел, что по меньшей мере трое незнакомцев очень молоды даже по меркам смертных. Предводителю, на вид, было не больше двадцати – двадцати трёх лет, он обладал квадратным, властным подбородком и холодными голубыми глазами, сверкавшими в прорезях маски будто хрустальные линзы.

Между тем люди окружили эльфа кольцом, держа наготове маленькие, блестящие металлом арбалеты. "Десять лет назад таких не было" – подумал Аэт.

– Доброй ночи, воины, – произнёс он спокойно. – Я говорю на шести языках, включая Общий.

Солдаты обменялись отрывистыми фразами на неизвестной Аэту речи. Однако, голос одного из говоривших он мгновенно узнал; обернувшись, эльф с лёгким удивлением скрестил на груди руки.

– Что это значит?

Стоявший сзади человек снял маску. Теперь он мало чем напоминал жалкого оборванца, валявшегося в ногах Аэта; сломанный нос непонятно как превратился в целый, осанка выправилась, холодные серые глаза мерцали в лунном свете. Эльф мысленно восхитился мастерством перевоплощения, которым владел его утренний знакомец.

Тем временем тот сложил маску втрое, сунул её за пояс и шагнул вперёд:

– Ты маг? – спросил он коротко.

– Нет, – спокойно ответил Аэт. – Я последователь учения А– Дан.

– Это одно и то же.

– Ты говоришь о том, чего не понимаешь.

– Я понимаю достаточно, – усмехнулся человек. – Эльф, мы могли убить тебя сразу, без лишних слов, согласен?

Аэт улыбнулся.

– Моё тело много раз убивали, но никому ещё не удалось погубить мой разум.

– Тело или дух, тебе всё равно бы это не понравилось, хэк?

Эльф согласно кивнул:

– Верно.

Человек скрестил руки на груди.

– Помоги нам, и мы не только оставим тебе жизнь, но и подвезём до Эналтэ.

Аэт удивлённо поднял брови.

– Ты предлагаешь мне жизнь? Но зачем вам её отбирать?

Он обвёл рукой степь.

– Я отшельник, и жил здесь десять лет. Всё моё достояние – туника, сплетённая из травы.

Люди быстро переглянулись.

– Ты провёл десять лет в этой степи? – с сильным акцентом спросил предводитель отряда. Сзади из-под его маски выбивались длинные, тёмные волосы, перевязанные тесьмой.

– Я занимался развитием сознания, – правдиво ответил Аэт. – Это требует долгого одиночества.

Предводитель и бывший бродяга обменялись парочкой фраз на неизвестном языке. Воины опустили арбалеты.

– Значит, ты не слышал о катастрофе? – спросил "бродяга".

Аэт встрепенулся:

– Что произошло?

– Восемь лет назад чёрный маг Джер аль Магриб завладел страшным колдовским оружием и обратил в камень город Ронненберг. Король Торвальд совершил большую ошибку, обвинив в этом эльфов, и с тех пор между Эравией и Элиранией идёт молчаливая война.

– Мы думали, ты шпион, – объяснил предводитель отряда.

Эльф мысленно содрогнулся. Он легко отличал ложь от правды и знал, что ночные гости лгут о войне; но всё, что было сказано о Ронненберге, соответствовало истине. Приняв решение узнать подробности, Аэт тяжело вздохнул и покачал головой.

– Вновь войны, смерть, насилие... Я не ждал столь скорой встречи с ними.

– Помоги нам! – с жаром сказал предводитель. – После падения Ронненберга в мире почти не осталось магов, а те, что есть – жалкие шарлатаны. Расколдуй каменный город, эльф, спаси тысячи жизней!

Аэт расправил плечи.

– Хорошо, – ответил он коротко. – Вы лжёте о своих целях, но говорите правду о Ронненберге. Я помогу его расколдовать.

Пройдя мимо воинов, эльф лёгким движением вскочил на ближайшего коня. Люди последовали его примеру, предводитель занял место за спиной бессмертного.

– Я Аэт, – представился эльф. – С кем свела меня ночь?

Предводитель ответил не сразу. Лишь когда отряд снялся с места и понёсся на север по дороге, залитой мертвенным светом фиолетовой луны, он подал голос:

– Гуркан ибн Гарун, последний хан Джэбегар.

– Ты очень молод, – заметил Аэт.

– Мне двадцать один год, – глухо ответил Гуркан. – Вполне достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для дела, – оборвал юноша. – Довольно, эльф. У нас нет времени на болтовню.

Аэт промолчал.

5

Некоторое время я спокойно шагал по тропинке и успел почти забыть о встрече с эльфёнком, но судьбе вздумалось устроить одну из тех шуточек, за которые принято платить кровью. Впереди уже виднелись рельсы, когда за спиной внезапно послышался конский топот, а секунду спустя мимо промчалась взмыленная лошадь. Та самая.

Я остановился и посмотрел назад. Конь выглядел не просто испуганным, он был в панике и явно имел к тому причины. Но что могло так испугать лошадь здесь, в давным– давно обжитых и проверенных лесах Элирании? Охотники эльфов истребили всех опасных зверей задолго до рождения моего прадеда...

Прежде чем я успел это подумать, клюва достиг запах гари и всё стало ясно.

Пожар! Самая смертельная опасность для эльфов, надёжного средства против которой до сих пор не придумали. Крупные города испокон веков боролись с пожарами, эльфы даже вывели несколько пород пропитанных влагой деревьев, но здесь, в диких землях, огонь оставался почти непобедимым врагом. Следовало немедленно лететь к...

"Лететь?" – горько усмехнувшись, я повернулся и побежал назад по тропинке. Тёплых чувств к эльфам у меня никогда не имелось много. Пожалуй, будь на месте того мальчика кое– кто из моих знакомых, я бы молча продолжил путь.

"Он же не виноват..." – с разгона одолев поворот, я резко затормозил: впереди горел лес. Жар нахлынул волной, пришлось попятиться и прищурить глаза. Я никогда не видел, чтобы пламя распространялось так быстро.

Эльфёнок бежал по тропинке, не замечая меня, он кашлял и спотыкался. Огонь мчался в несколько раз быстрее: ещё минута, и парень сгорит заживо. Надо спешить...

Вдохнув поглубже, я бросился вперёд. В этот миг эльфёнок споткнулся и покатился по траве, совсем рядом с ним упала горящая ветка. Не останавливаясь, я схватил мальчика, забросил на спину и метнулся назад.

– Держись! – крик был едва слышен за треском горящего леса. К счастью, эльфёнок понял и вцепился в перья. Деревья вокруг нас уже пылали.

Ни разу в жизни я не бегал так, как тогда. Мы мчались по тропинке, чувствуя что сзади догоняет огонь, со всех сторон было пламя и горячий воздух жёг грудь. Мои перья потрескивали от высокой температуры.

Пожар буквально летел от дерева к дереву. Даже нефть горит медленнее, что могло вызвать такую катастрофу?! К счастью, вокруг полотна железной дороги лес был вырублен, там огонь остановится... Надо лишь добежать живым.

Под ногами уже горела трава, когда пылающий лес наконец остался позади и мы с эльфёнком, опалённые, задыхающиеся, свалились на рельсы. Даже здесь, в двадцати ярдах от огня, горячий воздух обжигал лёгкие; собравшись с силами, я привстал и огляделся.

По левое крыло от железной дороги пожар захватил уже около полумили, и продолжал распространяться с той же необъяснимой скоростью. Справа лес пока не

горел, но если огонь перейдёт рельсы, мы тут поджаримся не хуже утки, присыпанной углями. Надо бежать по шпалам против ветра, быть может, успеем добраться до реки...

Эльфёнок уже немного опомнился и сел, глядя на пожар широко раскрытыми глазами цвета сирени. Я коснулся его плеча.

– Залезай мне на спину... господин. Надо спешить, пока огонь не охватил весь лес.

Мальчик повернул голову.

– Кайт, почему?! Почему они подожгли деревья?!

"Подожгли?"

– Кто? – спросил я недоверчиво.

– Маги! – эльфёнок схватил меня за перья. – Я заехал в храм у дороги, хотел посмотреть росписи, а внутри были люди. Трое или четверо, не уверен. Они стояли на коленях вокруг светящейся пирамиды и держались за руки.

Он содрогнулся.

– Я даже удивиться не успел, как один из них меня заметил, вскочил и махнул рукой, словно бросал что-то. И тогда у него прямо из кисти огонь вырвался, настоящая огненная лавина! Зим от страха на дыбы встал и ускакал, я побежал следом, но тут загорелся лес...

"Маги", – подумал я. Но как это возможно? Почти все маги окаменели вместе с Ронненбергом, а те, что остались, за минувшие годы растворились среди людей. Варвары, особенно драконьи всадники, охотились за ними беспощадно.

– Ты уверен? Лес подожгли маги?

Фраза уже вылетела из клюва, когда я заметил ошибку:

– ...господин.

– Не надо звать меня так, – мальчик поднялся. С головы посыпались опалённые волосы. – Грифон, ты спас мне жизнь. Спасибо.

Странно он себя ведёт, для эльфа.

– Это был мой долг, – заметил я спокойно. – Но опасность ещё не миновала. Надо спешить к реке, иначе пожар всё равно до нас доберётся. Садись мне на спину, скорее!

Он послушался. Я быстро двинулся к северу, отойдя немного вправо от полотна дороги.

– Меня зовут Эдай, – сказал эльфёнок спустя десять минут. – Кайт, ты случайно не видел моего коня?

"Что– то с этим мальчиком нечисто," – подумал я мрачно. Вслух, однако, ответил совсем другое:

– Видел. Он в панике промчался мимо и скрылся в лесу.

– Только бы Зим не погиб... – с тоской произнёс Эдай. – Зачем, скажи, зачем поджигать лес?! Там столько животных! Им сейчас больно, они сгорают заживо!

"Эмпат", – понял я. Час от часу не легче.

– Гос... Эдай, не надо тратить силы, – сказал я, продолжая бежать. – Нам предстоят несколько очень неприятных часов, когда огонь пересечёт рельсы, постарайся пока отдохнуть.

Эльфёнок улыбнулся.

– Хорошо, Кайт, я помолчу.

Да– а, похоже, он не только эмпат, но и телепат. Телепат... Пять лет, да, пять лет минуло с моей последней встречи с таким существом. Пять лет...

"Эдаю, наверно, в то время было не больше девяти" – пришла мысль. Тряхнув головой, я прибавил скорость и пустился по дороге лёгкой рысью, стараясь держать спину ровно. Душу рвали воспоминания.

"Пять лет, пять лет... Сколько же я перенёс с тех пор..."

Почти пять лет провёл я в лагере военнопленных на севере Этана. Пять проклятых лет, которые превратили бывшего клан– командира в жалкого каторжника, пять лет мучений и смешных попыток восстановить по памяти свою летающую машину, пять лет боли и горя – но все эти годы я как наяву помнил лицо полуэльфа, моего всадника, когда его вели к яме со змеями. Ландас тоже был телепатом; когда– то, в другой жизни он часто удивлял нас, угадывая желания и доставляя неожиданные радости, как не умел больше никто во всей дивизии. Когда его казнили – телепаты и маги были вне закона в Чёрной Орде – мы с товарищами дали клятву отомстить, но минуло всего пять лет и только я, бескрылый грифон, ещё помню об этом...

Давно забылись все наши мечты, да и нас самих уже мало кто помнит. Даже я,

последний из живых, вспомнил случайно.

"Если бы я мог знать..." – на глаза невольно навернулись злые слёзы и я моргнул, чтобы их согнать, – "Если бы я мог знать, чем станет жизнь без неба!"

Юный эльф на моей спине сидел молча, стараясь не касаться раненых плеч. Вероятно, он слышал все мысли.

"А пусть слушает!" – подумал я зло. – "Всё равно моя судьба – носить уздечку! Хоть эльфы, хоть степняки – все вы одинаковы!"

Впереди на фоне пламенеющего неба темнели силуэты необычайно красивых деревьев, мэллонов, которые украшали все без исключения поселения эльфов. Вид был столь красив, что у меня перехватило дыхание.

"Нет, ради таких мгновений стоит жить", – сказал я сам себе. – "Даже с уздечкой в клюве..."

Навстречу уже мчались несколько всадников, очевидно заметивших пожар. В свете догорающих деревьев, под крики и звон пожарных колоколов, мы с эльфёнком подошли к станции.

Как и все поселения эльфов, городок Нейклот напоминал скорее живописный лес, чем город. Стен он не имел, их место занимала живая изгородь из колючих кустов, повсюду росли мэллоны и секвойи, цветы устилали каждый дюйм газонов и лужаек. Среди деревьев там и тут виднелись округлые белые крыши; дома эльфов всегда строились только из камня. Бессмертные не рубили деревья даже для отопления зимой.

И тем более чуждым казался большой деревянный сруб на площади, неподалёку от вокзала. Там жили оккупанты; после войны варвары назначили своих управляющих в каждый населённый пункт эльфов. Даже в такое захолустье, как Нейклот.

– Эдай, послушай... – мы остановились неподалёку от первых деревьев. – Тебя, несомненно, учили скрывать свой дар?

Мальчик спрыгнул на землю и серьёзно кивнул.

– Учили, Кайт.

– Так вот... – я посмотрел в сиреневые глаза эльфёнка. – Думаю, не стоит никому рассказывать про светящуюся пирамиду и магов. Мало ли, кто может

услышать, согласен? – я кивнул на сруб.

Эдай опустил голову.

– Я и тебе не должен был рассказывать. Просто растерялся.

Улыбнувшись, я хотел по привычке потрепать его крылом, и мы с мальчиком одновременно вздрогнули, ощутив одну боль на двоих. Стиснув клюв, я положил руку на плечо Эдая.

– Я никому не скажу.

– Я тоже, – серьёзно отозвался юный эльф.

– Тогда беги, – я отступил назад. – Кажется, у колокольни привязан твой конь.

– Зим?! – просияв, Эдай бросился к перрону.

Я проводил его долгим взглядом. Эльфы вокруг суетились, готовясь к отражению пожара, на меня никто не обращал внимания. Самое время тихо подойти к поезду, показать кондуктору свиток и пуститься в долгий путь через всю Элиранию...

Повернувшись, я быстрой рысью двинулся вдоль рельсов обратно, к месту, где мы с Эдаем едва спаслись от огня. Там лес должен был уже прогореть, и я смогу подобраться к руинам храма.

Не зря мне сегодня вспомнилась старая клятва.

6

Путь длился долго. Всю ночь и большую часть дня отряд мчался на север, лишь дважды задержавшись у родников, дать передышку коням. В пути почти не разговаривали: присутствие эльфа сковывало людей, Аэт не раз ловил на себе тяжёлые, недобрые взгляды. Молодой Гуркан хранил гробовое молчание.

Степь была необычно безлюдной. Аэт помнил, что десять лет назад, когда он шёл на юг по этой самой дороге, навстречу то и дело попадались всадники и телеги, вдоль тракта тянулись обработанные поля. Теперь же, за два дня бешеной скачки они не встретили никого. Земля опустела, в воздухе грозой висело напряжение. Аэт

хорошо знал эти признаки.

"Война..."

На закате второго дня, когда вдоль дороги наконец стали попадаться обработанные поля и бедные лачуги, вдали, среди холмов, показалось нечто странное. Аэт долго не мог понять, что видит.

Лишь когда отряд подскочил ближе, стало ясно, что удивительное явление впереди – своего рода маленький циклон. Все окрестные тучи скрутились в спираль вокруг громадной серой башни и медленно вращались, то и дело озаря молниями окаменевший город внизу. Поражённый эльф потряс головой.

– Невероятно... – прошептал он. Гуркан за его спиной усмехнулся.

– То ли ещё будет.

Аэт не ответил; он смотрел. Окаменевший Город Магов, некогда поражавший воображение любого путника сказочной красотой и богатством, теперь потерял все цвета. Серые, мрачные башни тянулись к вечно хмурому небу, центральный пик, вокруг которого завивались тучи, нависал над городом, словно чудовищная длань, занесённая для удара. Деревья и сады, живые изгороди и цветы – всё стало серым, мёртвым, листья замерли, трава обратилась в ковёр из кинжалов. Когда всадники приблизились к воротам, стали видны мраморные изваяния стражников.

Потрясённый до глубины души Аэт спешил и подбежал к окаменевшим людям. Сердце эльфа бешено колотилось.

– В них нет жизни... – прошептал он. Чуткие пальцы напрасно бегали по мраморной коже. – Они мертвы, Гуркан. Я не чувствую жизни.

Юноша, стоявший рядом, скрипнул зубами.

– Всё же попытайся.

– Хорошо, – Аэт поднял голову. Холодный ветер трепал плащи воинов, развеивал льняные волосы эльфа. Отблески молний то и дело озаряли каменный город. Чудовищная центральная башня казалась копьём, пробившим плоть самой земли.

– Там, – коротко сказал Аэт.

– Мы знаем, – ответил бывший бродяга, чьё имя эльф до сих пор не знал. – Но двери башни окаменели вместе с городом.

Помолчав, Аэт подошёл к узорчатым декоративным воротам и перелез через

них. Шестеро воинов последовали его примеру, седьмой остался охранять коней.

Шли молча. Слишком подавляющим было зрелище. Ветер с заунывным посвистом гнал по мёртвым улицам листья и сухую траву, отблески заходящего солнца казались брызгами крови. Жители города застыли мгновенно, не успев даже осознать, что случилось. Возле одного дома, на серой лужайке лежала молодая женщина, улыбка на неподвижном лице скалилась кошмарной гримасой. Женщина держала над собой каменного ребёнка: они играли, когда пришла смерть. Закат окрасил лицо мальчика в пурпур.

Когда отряд приблизился к центру города, им впервые встретились следы живых существ. Вокруг подножия гигантской башни была натянута ржавая колючая проволока; с мятой жестяной таблички скалился череп и перекрещённые берцовые кости человека.

– В первые месяцы многие пытались, – глухо сказал Гуркан. – Их убивали молнии. Тучи вращаются вокруг единственного пути в башню, открытого окна. Восемь лет назад из этого окна выбрался колдун Джер аль Магриб, погубивший город, и оставил грозу охранять проход, чтобы никто не вернул к жизни великий Ронненберг.

Юноша указал на серую каменную поверхность за проволокой.

– Туда падали тела. Грифоны, эльфы, люди – проникнуть внутрь не сумел никто. Рыцари надевали могучие доспехи – их поджаривало, словно рыбу в глине, эльфы на грифонах пытались спуститься сверху, но земли достигали лишь обугленные трупы. Вот почему нам нужен маг.

– Я не маг, – негромко ответил Аэт.

Гуркан покачал головой.

– Ты умеешь управлять погодой, я знаю.

– Умею... – эльф задумчиво оглядел башню. – Но этот шторм неестественный. Сомневаюсь, что смогу его отвести.

– Попробуй.

Аэт вздохнул.

– Утром. А сегодня вы должны мне помочь. – он обернулся к юноше. – Мне потребуется длинная, очень длинная и прочная стальная цепь, сухой корабельный

трос, несколько железных прутьев, тщательно высушенные деревянные доски, инструменты, несколько фарфоровых кукол, толстая стальная проволока, хорошие кожаные сапоги на деревянной подошве и грифон.

Гуркан молча щёлкнул пальцами; двое воинов бегом бросились обратно к воротам. Молодой хан подёргал колючую изгородь.

– Эта проволока подойдёт?

– Нет, – Аэт покачал головой. – Она не выдержит высокой температуры.

Юноша с сомнением огладил подбородок.

– Грифона в этих местах найти сложно, но у меня есть дракон. Устроит?

– Дракон? – удивлённо переспросил Аэт. – Дракон служит человеку?

Люди с усмешками переглянулись.

– За десять лет многое изменилось, – уклончиво отозвался Гуркан.

Эльф чуть прищурил глаза.

– Быть может, расскажешь подробнее?

Юноша покачал головой.

– Дракон расскажет сам, если, конечно, ты согласишься выслушать крылатую рептилию. Ваш народ, как я помню, особо тёплых чувств к драконам никогда не испытывал.

Помолчав, Аэт пожал плечами.

– Я не питаю к драконам никаких чувств. Не доводилось встречаться.

Гуркан встрепенулся.

– У нас много времени, пока нукеры достанут нужные тебе вещи. Пойдём, покажу кое– что интересное. Мы нашли это, когда исследовали каменный город.

Эльф молча последовал за человеком.

..."Это" находилось на западной окраине города, где раньше, до катастрофы, несколько старых каменных башен с красными черепичными крышами утопали в зелени.

В древности на месте Ронненберга находилась угрюмая крепость таинственной волшебницы Мегары, о которой было известно лишь имя да страшные сказки про чудовищ, что творила она в подземельях своего замка. Герой по прозвищу Холодный Кузнец – его подлинного имени никто не помнил – бросил вызов Мегаре и

убил её в магическом поединке, но и сам погиб, когда со смертью колдуньи обрушилась чёрная крепость. Спустя столетия, от некогда грозной цитадели остались лишь четыре башни, обломки стен и две высокие арки, между которыми буйно разрослись кусты чертополоха. Новые хозяева Ронненберга сохранили руины в качестве музея.

– Осторожней, – предупредил Гуркан, когда они с Аэтом приблизились к аркам. – Окаменевшие растения опаснее любого клинка.

Эльф оглядел застывшие лезвия чертополоха, острые шипы, ставшие теперь крепче алмаза. Передвигаясь по городу, им приходилось обходить лужайки и газоны, поскольку шагать по траве было не легче, чем по гвоздям.

– Что вы хотели мне показать?

Юноша кивнул на окно одной из башен, угрюмо темневшее рядом с левой аркой. Нукер, сопровождавший молодого хана, протянул эльфу латные перчатки.

– Придётся лезть на стену, – объяснил Гуркан. – Будь осторожен.

Улыбнувшись, Аэт окинул взглядом старую башню и с разбега взбежал по стене, уцепившись за выступающий камень. Прежде чем люди успели подойти к подножию, эльф уже забрался в окно и уселся ожидать спутников.

Тем понадобилось несколько минут, чтобы повторить путь Аэта. Добравшись наконец до окна, Гуркан смерил бессмертного неприветливым взглядом, но ничего не сказал и лишь спрыгнул на пол башни. Последним внутрь забрался нукер.

– Идём, – бросил Гуркан. – Не пытайся открывать двери или передвигать стулья, руку сломаешь. Наша цель в подвале.

Аэт молча последовал за людьми. Они спустились по старой винтовой лестнице, протиснулись в полуоткрытую дверь и остановились перед статуей стражника. Атака застала человека в миг, когда он выходил в коридор, и рука с ключами так и осталась в замке. С некоторым трудом, но в подземелье можно было проникнуть.

Гуркан первым перелез через тюремщика, следом протиснулся высокий эльф. Нукер остался в коридоре. Дав знак Аэту, молодой хан подошёл к зарешёченной нише в стене.

– Вот тебе дракон. Любуйся.

Бессмертный несколько секунд стоял молча, не отводя взгляда от маленького, грациозного и прекрасного существа в клетке. Детёнышу было, наверно, не больше пары лет, он имел по-детски курносую мордочку, огромные глаза, коротенькие рожки и хрупкие, почти прозрачные крылышки, сейчас сложенные на спине. Атака застала драконьша спящим; наверно, он даже не успел понять, что произошло. Зато Аэт прекрасно всё понимал, поскольку видел цепь, надетую детёнышу на шею.

– Зачем его держали в клетке? – негромко спросил эльф. Гуркан не ответил; обернувшись, Аэт увидел молодого хана, стоявшего у соседней камеры. Внутри, на скамье, сидел обнажённый по пояс, мускулистый, красивый юноша лет семнадцати с длинной косой чёрных волос. У его ног свернулась молодая грифоница; в миг атаки она что-то говорила юноше, да так и застыла с открытым клювом.

Аэту хватило одного взгляда на лицо окаменевшего пленника, чтобы всё понять:

– Твой брат? – спросил он тихо.

Вздвогнув, Гуркан обернулся к эльфу. Помолчал, стиснув зубы, но всё же кивнул.

– Восемь лет назад он был моим старшим братом, наследником рода Джэбегар, – молодой хан сжал кулаки. – Теперь я старше на четыре года.

Аэт опустил голову.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже, – юноша резко отвернулся. – Но не только я потерял родича. Этот детёныш – дочь драконихи, которую ты завтра увидишь. Возможно, тебе известно, что много лет назад стая крылатых попала в плен к эльфам и их заставили работать на каторжном заводе?

– Я слышал об этом, – негромко сказал Аэт. Гуркан помолчал.

– У одной драконихи в плену родился малыш, но маги забрали его и доставили в Ронненберг, чтобы проводить опыты, а также всегда иметь под рукой источник драконьей крови. К счастью, – юноша криво усмехнулся, – город окаменел раньше, чем они успели начать.

Гуркан скрестил руки на груди.

– Отец дракончика пытался защитить своего детёныша и погиб в бою с

охраной, мать заковали в цепи. Это случилось восемь лет назад. С тех пор многое изменилось; драконы получили свободу, я потерял отца... – юноша стиснул зубы. – Мы познакомились с матерью этого детёныша год назад, здесь, в каменном городе, куда я приехал искать брата, а она – дочь. Мы равно хотим спасти наших близких. Но к магам у нас обоих осталось лишь одно чувство, и тебе не составит труда догадаться, какое.

Аэт медленно кивнул.

– Я понимаю.

– Если сумеешь пробраться в башню, исполни одну просьбу, – Гуркан подошёл к эльфу вплотную. – Освободи город на один час, а затем вновь обрати в камень, всего на сутки. Дай нам время уйти.

Аэт покачал головой.

– Я не могу обещать того, что от меня не зависит. Почему город обратился в камень? Какую магию использовал аль Магриб? Пока мы этого не узнаем, я не могу обещать ничего.

Гуркан долго молчал.

– Я слишком долго ждал... – произнёс он наконец. – Пусть случится то, что должно. Идём. Отведай нашего гостеприимства, бессмертный. Завтра времени не останется.

Следом за юношей, Аэт покинул подземелье. Они спустились из окна и долго смотрели на заходящее солнце.

– Я хотел бы провести ночь здесь, – негромко сказал эльф. – В одиночестве.

– Не стоит, – серьёзно ответил Гуркан. – Год назад я попробовал...

Аэт чуть заметно улыбнулся.

– Я не боюсь темноты, – он поднял голову и обнял взглядом наступавшую ночь. – Идите. Мне надо побыть наедине с Нею.

Люди переглянулись.

– С кем? – подозрительно спросил Гуркан.

Эльф промолчал.

Лес ещё дымился. Обгорелые остовы деревьев тлели тусклым пурпуром, покрывало из пепла обратило живописную местность в равнину смерти. Огонь так и не перекинулся через рельсы, и я возблагодарил неведомых магов; очевидно, им надо было лишь уничтожить следы собственного присутствия. После войны – вполне понятное желание.

"Если они замечают следы, значит, магия порталов им незнакома" – подумал я. Это значило также, что колдуны не могли уйти далеко: переждав пожар в руинах храма, они опередели меня не больше чем на полчаса. Куда они пошли?

Я огляделся. Уходить по пеплу, к северу, было глупо и опасно; трое людей в сгоревшем лесу с воздуха видны как на ладони. Не говоря уж о следах. Уходить по рельсам, прочь от станции, они точно не станут, по тем же причинам. Итак, оставался лес за железной дорогой.

Добежав до места, где мы с Эдаем выскочили из горящего леса, я отошёл вправо, к деревьям, опустил голову и шагом двинулся обратно. Есть деталь, которую ни один маг не сможет скрыть, будь он хоть Магистром Ронненберга: запах. Таких заклинаний просто не существует – ведь колдовство изначально создавалось людьми и эльфами, то есть существами, фактически лишёнными обоняния.

Опытный охотник может изменить свой запах; это поможет обмануть животное, знакомое с человеком, но уничтожить запах совсем не сумеет никто. А я, хоть и потерял крылья, всё равно оставался грифоном, разумным хищником, обладавшим обонянием не хуже волчьего. Поэтому я даже мысленно не улыбнулся, когда спустя десять минут обнаружил отчётливый человеческий след, терявшийся среди деревьев. Он мог принадлежать лишь тем, кого я искал. Люди в Элирании слишком редкие гости.

Последний раз оглядев пустынное полотно дороги, я глубоко вздохнул и рванулся в погоню. След был чётким и свежим, не приходилось даже нагибать голову, столь ясно чувствовался запах человека. И не только человека; за магами тянулся едва заметный дух горелой плоти, ощутить который смог бы лишь опытный хищник вроде

меня. Похоже, я отстаю всего минут на двадцать... Но куда же они идут? Что там, впереди?

Немного сбавив скорость, я выбрал дерево потолще и с разбега взбежал по стволу. Без крыльев это оказалось почти так же легко, как в детстве, когда мы с братом часто лазили по деревьям наперегонки с дикой кошкой нашего отца Уриена. Отсюда будет хорошо виден лес впереди.

Вцепившись в прочную ветку, я выглянул из ветвей. Несколько секунд внимательно разглядывал местность, затем спрыгнул на землю и продолжил преследование: я увидел всё, что хотел.

Горы. Маги несомненно направлялись к подножию хребта Моргана Тирит, отделявшего Элиранию от Арнора, что лежал по ту сторону перешейка между материками. Эльфы не любят горы, не понимают и избегают их; то ли дело грифоны и драконы. Горы – наш дом родной. В детстве мать рассказывала нам с Аяксом легенды о древних временах, когда все крылатые жили в другом мире, изнывая под жестокой диктатурой золотого дракона по имени...

Додумать мысль я не успел, поскольку увидел далеко впереди, среди деревьев, четверых людей. Одетые в обычную крестьянскую одежду, они спешили по лесу, не оглядываясь и не пытаясь скрыть следы. Двое несли что-то длинное и тонкое, завёрнутое в тёмную ткань.

Пригнувшись, я скользнул в сторону и беззвучно рванулся вперёд. Пока бежал, душу грызли тревожные мысли.

Что сказать магам? Что я – Кайт Кек'Хакар, бывший командир воздушной дивизии, а теперь калека, хотел бы помочь им в борьбе с оккупантами? Интересно, чем поможет четверым волшебникам бескрылый грифон. Просить помощи в спасении пленников из лап Серебристого Ветра? С чего им помогать первому попавшемуся пернатому?

Лучше сказать о летающей машине. Модель "92" действительно могла летать, я спроектировал её, изучив скелет недавно убитого дракона. Восстание на фабрике помешало завершить испытания, а после уже не осталось времени... Но я помню все расчёты, если им нужен способ спасти Ронненберг – я единственный, кто может помочь. Только бы они выслушали, не стали сразу нападать, только бы выслушали...

– Подождите! – крикнул я, догнав людей. Те всполошились, чуть не бросились наутёк. Самый высокий, пожилой, с грязной копной соломенных волос, обратил ко мне неестественно бледное лицо с глубоко посаженными глазами.

– Выслушайте меня! – остановившись в двадцати шагах, я распушил все перья, стараясь выглядеть как можно безобиднее. – Я знаю, как спасти Ронненберг!

Пожилой что–то сказал товарищам на непонятном языке. Ему ответил сосед, в котором я сразу признал эльфа, хоть и одетого как человек. Двое других магов положили свою ношу на землю и с опаской меня разглядывали.

– Ты ошибся, грифон, – спокойно сказал пожилой. – Мы жители Арнора, возвращаемся домой после торгов.

– Я шёл по вашему следу от самого храма, – ответил я быстро. – Выслушайте меня! Я Кайт Кек'Хакар, бывший командир 12–й авиадивизии, попал в плен зимой 307–го, пять лет провёл в лагере на севере Этана. Я знаю, как спасти Ронненберг!

Маги переглянулись. Пожилой в глубокой задумчивости оглядел меня от клюва до хвоста.

– Кек'Хакар? Известное имя... Уж не родич ли ты Аякса, сына Уриена, последнего из клана Арахиса?

– Аякс был моим братом, – ответил я глухо. – Он погиб восемь лет назад, сражаясь с драконом.

Волшебник приподнял брови.

– Любопытно, – он приблизился на несколько шагов. – Ты не лжёшь. Зачем шёл по нашему следу?

– Мы на одной стороне! – я с жаром хлестнул себя хвостом. – Я могу помочь вам!

– Чем? – с усмешкой спросил маг. – С чего ты взял, будто мы желаем спасти Ронненберг?

У меня чуть ноги не подкосились. Этого не может быть...

– Вы служите Орде? – я попятился. Волшебники перекинулись парочкой фраз на своём языке, самый молодой рассмеялся.

– Мы служим только себе, – ответил пожилой. – Тебе не следовало совать клюв в чужие дела, грифон. Не взыщи... – он поднял руку, готовясь поразить меня

пламенем, но эльф коснулся его плеча. Последовал быстрый разговор.

Маг окинул меня сомнительным взглядом.

– Сколько тебе лет?

– Сорок.

– Сколько вешишь?

Я моргнул от удивления.

– Примерно полторы тысячи фунтов... Вы хотите меня зарезать?

Пожилкой фыркнул.

– Нет. Нам нужна твоя...

Он ещё не окончил фразы, как я с места прыгнул в сторону. Люди, не привыкшие иметь дело с хищниками, редко вспоминают, что нам не нужен разбег. Колдун не успел даже закрыть рот, как я скрылся среди деревьев и рванулся прочь, не забыв однако взять немного вправо от пути, по которому шёл раньше.

"Ещё бы чуть– чуть..."

Остановился я только в полумиле от места зловещей встречи. Следовало решить, что делать дальше. Маги оказались примерно теми, кого я ожидал увидеть: неудачники, слишком мелкие, чтобы жить в Ронненберге вместе с подлинными мастерами. И всё же, шанс был хорош... Если тайно последовать за ними, меня не обнаружат, но тогда я опоздаю на допрос и Сапсан может пострадать. С другой стороны...

"Что?" – зло оборвал я сам себя. – "Ты найдёшь Великий Древний Артефакт, уничтожишь всех драконов и вернёшь свободу Элирании? А может, ещё и крылья новые отрастишь?"

Оглянувшись, я долго смотрел в сторону, где остались таинственные маги. Зачем может понадобиться приманка весом в грифона? Что за предмет несли они с собой? Если сейчас повернуться и уйти, я этого никогда не узнаю. И, кто знает, могу в самом деле потерять шанс повернуть ход событий.

Но Сапсан... Царэги не пожалеют моего сына, если я исчезну. Имею я право так рисковать? Стоит ли этого сомнительный шанс что– то изменить?

Постояв в нерешительности несколько минут, я тряхнул головой и, крадущимся шагом, двинулся обратно за магами. Уже поздний вечер, и я в любом

случае опоздал на сегодняшний поезд. Значит, впереди целая ночь... Времени вполне достаточно.

Когда я догнал их, стояла полная темнота. Маги остановились на ночлег в небольшой балке, под корнями громадного дуба. Помня, что среди врагов есть эльф, я не рискнул устроить засаду ближе полусотни ярдов и затаился в кустах, наострив слух до предела. Судя по спокойному тону разговора, меня не заметили.

Маги негромко беседовали на своём языке. Время тянулось страшно медленно, я был голоден и нетерпеливо подёргивал кисточкой хвоста. Наконец, голоса стихли; в слабом свете фиолетового месяца я заметил силуэт высокого человека, стоявшего ко мне боком. Разумеется, сторожить оставили эльфа.

На всякий случай я подождал ещё полчаса, прежде чем приподнялся и беззвучно скользнул вперёд. Люди привыкли воспринимать грифонов как птиц; но мы гораздо ближе к львам, чем к орлам. Теорий о нашем происхождении имеется больше, чем самих грифонов, только факты от этого не меняются, и сейчас к спящим магам подкрадывался разумный лев размером с крупную лошадь, обладавший орлиными глазами, кошачьей ловкостью и птичьей стремительностью в движениях. На нашей планете есть лишь одно существо, способное справиться с грифоном врукопашную; но драконов я поблизости не замечал. А люди и прочие двуногие для нас не противники.

Эльф, стороживший сон своих товарищей, заметил меня лишь в миг атаки. Он не успел даже вскрикнуть, как получил удар по голове и рухнул наземь. Не тратя времени, я подхватил таинственный предмет, завёрнутый в ткань, забросил эльфа на спину и исчез в темноте. Трое магов так и не проснулись.

Несколько часов я бежал по ночному лесу, держась юго-западного направления, пока не добрался до полотна железной дороги, тускло блестевшего в лунном свете. Вдали светились огни Нейклота. Отлично...

Отойдя немного в лес, я сбросил эльфа на землю, разорвал его одежду и связал руки пленника за спиной. Большая часть примитивных заклинаний требует пассов, а настоящая магия, контролируемая разумом, не могла быть известна этому горе-волшебнику – в противном случае не я бы сейчас готовился к допросу.

– Эй! – встряхнув эльфа, я сорвал с дерева пучок листьев и потёр ему губы. –

Хватит притворяться мёртвым. Когда я хочу убить, я делаю это сразу.

Пленник приоткрыл глаза. Теперь, вблизи, я видел, что эльф очень молод по меркам бессмертных; едва ли ему перевалило за сорок. Он был строен и красив, как подавляющее большинство его сородичей, обладал длинными светло– каштановыми волосами, бледной кожей и ярко– синими глазами, которые казались чёрными в свете фиолетовой луны. А ещё он боялся меня. Я чувствовал отчётливый аромат страха.

– Что со мной будет? – спросил эльф, стараясь не выдать волнения голосом. Я клацнул клювом.

– Вы хотели меня убить. Этого я очень не люблю. Вы пытались убить беззащитного мальчика, а этого я не люблю ещё больше.

– Мы не хотели! – быстро ответил эльф. – Это Ажхан, он просто маньяк!

Я прищурил глаза.

– Ажхан? Случайно не Ажхан Дрэкхан?

Эльф отпрянул.

– Ты его знаешь?!

– Почти, – я царапнул землю когтями. – Лет двадцать назад, когда держать грифонов в рабстве ещё не было запрещено, мой брат Аякс служил одному волшебнику по имени Ажхан. И часто про него рассказывал.

Эльф недоверчиво моргнул:

– Так ты брат чёрного грифона, на котором Ажхан летал до... – он запнулся.

– Именно! – я хорошенько встряхнул пленника. – После освобождения Аякс долго искал бывшего хозяина, но так и не успел с ним расквитаться. А вот я, похоже, успею...

– Я ни причём! – эльф явно перепугался. – Я только проводник, Ажхан мне платил!

Вот оно что! Понятно, почему магией в этом типе даже не пахнет.

– Слушай, – я усадил его спиной к дереву и ткнул когтем в грудь. – Ответишь на все вопросы, так и быть, отпущу. Даже не скажу про вас в городе, – я кивнул на огни Нейклота вдали. – А будешь упрямиться, я тебя даже когтем не трону. Просто отнесу в город и расскажу царэгам всю правду. Они магов любят... – Я плотоядно улыбнулся.

На близком расстоянии улыбка грифона, как правило, производит на двуногих очень сильное впечатление; наш клюв от орлиного внешне почти не отличается, и зрелище улыбающейся птицы действует безотказно. Эльф вжался в дерево всей спиной.

– Твой выбор? – спросил я ласково.

– Спрашивай... – пробормотал бессмертный.

Улыбнувшись шире, я улёгся в траву напротив пленника.

– Имя?

– Эльстар.

– Что вы делали в храме?

– Оружие.

Я моргнул.

– Делали оружие?

– Да, – кивнул Эльстар.

Мне пришла в голову новая мысль. Отвернувшись от эльфа, я поднял свёрток, что похитил у магов, и развернул ткань. На траву с лёгким звоном упало тонкое, изящное цельнометаллическое копьё длиной в два ярда, с волнистым раздвоенным наконечником, покрытым уродливыми рунами весьма подозрительного вида. Металлическое древко украшала красивая чеканка, изображавшая змею, спиралью обвившую всё копьё от торца древка до разинутой пасти в основании наконечника. Само остриё было выполнено в виде волнистого раздвоенного языка, торчавшего из змеиной пасти; ядовитые клыки блестели полировкой, маленькие изумруды, изображавшие глаза рептилии, тускло светились собственным светом. Копьё было очень красивым и изящным, хотя в его боевых качествах я крепко сомневался.

– Вы сами сделали это? – спросил я недоверчиво. Эльф неохотно кивнул.

– Ажхан отыскал где-то древний манускрипт и вычитал, как создать такое копьё. Оно называется "Драконья пика" и предназначено для истребления драконов.

Я покрутил оружие. Баланс приходился заметно ближе к наконечнику, чем к центру, копьё было довольно тяжёлым и отлично лежало в руке. В грифоньей руке. Значит, для человека его вес почти неподъёмен, сражаться таким оружием мог бы лишь грифон или дракон. Но для нас копьё было слишком коротким. Странное

оружие...

– И что в этой штуке такого замечательного? – я хотел ткнуть копьём в землю, но Эльстар чуть не закричал и весь подался вперёд:

– Осторожней!

– Что? – я замер.

– Будь осторожен, – эльф тяжело дышал. – Копьё волшебное. Когда оно вонзается в плоть дракона, клыки змеи касаются чешуи и бьют его молнией, превращая тварь в горсть пепла быстрее, чем я успею моргнуть. Если бы ты сейчас воткнул копьё в землю, молния ударила бы нас.

Я недоверчиво осмотрел наконечник. Устройство и в самом деле напоминало разрядник; вероятно, при ударе остриё смещалось немного назад и замыкало контакты, подавая на клыки мощный ток от источника в древке... Но как ТАКОЕ сумели сделать второсортные маги, понятия не имеющие о технике?! Да и не могла в столь тонком древке поместиться достаточно мощная батарея, я их немало повидал на фабрике – громадные, тяжёлые, воняющие тухлыми яйцами коробки, где постоянно приходилось менять свинцовые пластины и доливать кислоту. Дракон, который это придумал, должно быть ненавидел эльфов, иначе изобрёл бы что-нибудь поудобнее...

– Ты уверен, что копьё было создано вами? – спросил я медленно.

Эльстар кивнул.

– Я сам помогал его ковать. Ажхан потратил несколько лет на подготовку и поиск ингредиентов, трижды терпел неудачу, пока, наконец, сумел достать нужный металл. Вчера утром, в руинах храма Мёртвых Царей он провёл последний ритуал и завершил создание Пики. Драконов ожидает очень неприятный сюрприз, – эльф усмехнулся.

Я с сомнением отложил копьё в сторону. Странно. Зачем было рисковать и делать такое дело на оккупированной территории Элирании, да ещё в пяти минутах от железной дороги? У любого риска должна быть причина, и вовсе не магическая; что, мало заброшенных храмов можно отыскать в лесах Арнора? Хмммм... Возможно, волшебная сила копья убывает со временем, и магам требовалось побыстрее употребить оружие в дело. Значит, их цель должна быть совсем недалеко

отсюда!

– Куда вы шли?

– В горы, – сразу ответил эльф, словно прочитав мои мысли. – Убивать железного дракона Ниддхегга.

Я чуть не подпрыгнул:

– Ниддхегга?! Парень, да ты хоть видел его?

Эльстар покачал головой.

– Я – нет, но Ажхан опытный охотник на драконов. Мы убьём тварь.

Не выдержав, я от души расхохотался. Эльф нахмурился.

– Что смешного?

– Эльстар... – с трудом уняв смех, я покачал головой. – Ниддхегга только прозвали драконом, на самом деле это чудовище не имеет никакого отношения к Ализону и его ящерицам. Восемьсот лет назад его нашли гномы в заброшенной пещере Ниддвеллир, все эти годы он мирно спал в своём подземелье. Несколько лет назад Ниддхегг покинул Ниддвеллир и поселился на одинокой горе Зараяф, среди скал Моргана Тирит, совсем недалеко отсюда.

– Мне всё это известно, – хмуро ответил эльф.

– А известно ли тебе, что забравшись на вершину горы, Ниддхегг улёгся там и ни разу не двинулся за восемь пролетевших лет? – спросил я насмешливо. – Ты не первый охотник, польстившийся на такую добычу. Все эти годы, почти непрерывно люди, эльфы, а позже и варвары с Востока пытались убить Ниддхегга. Он даже внимания на них не обратил.

Эльстар усмехнулся.

– На нас обратит, – он кивнул на копьё. – Это оружие справится с любым драконом.

Я задумчиво покрутил в руках Драконью Пику.

– Возможно... Только вам придётся делать новое, это мне самому пригодится.

– Но... – Эльстар даже привстал от возмущения.

Я толчком усадил его обратно.

– Скажи спасибо, эльф, что я оставляю тебе жизнь. Никогда не любил глупцов, особенно таких как вы, самоуверенных и чванливых... – вновь обернув копьё тканью,

я сунул его за пояс. – У тебя есть два часа. Потом я расскажу в городе, кто устроил лесной пожар, и вашей крови возжаждут не только варвары, но и каждый эльф в Элирании. Поторопись.

– Это грабёж! – возмутился Эльстар.

– Точно, – я усмехнулся. – А сжечь мальчика только за то, что он случайно вас заметил – обычное дело?

Схватив эльфа за шкуру, я вздёрнул его на вытянутой руке и прижал к стволу дерева.

– Другой воин давно зарезал бы тебя, гад, чтобы не рисковать лишний раз. Но я сегодня добрый. Считаю это оружие выкупом за свою жизнь, и помни: увижу любого из вас – прикончу. Сразу. Без предупреждения.

С этими словами я отшвырнул Эльстара в чащу и с немалым удовольствием послушал треск колючих ветвей. Ночь уже близилась к концу, небо на востоке начинало светлеть. Последний раз оглядев пустынное полотно железной дороги, я поудобнее пристроил за поясом Драконию Пику, опустил руки и направился в город.

На душе было очень тревожно.

8

На следующий день, ближе к полудню прилетел дракон. Совсем небольшая для своего племени, крылатая рептилия оказалась изумрудно–зелёной, с золотистой чешуёй на груди и ниже. Рога, шипы, когти, глаза и перепончатые уши отливали золотом, нижняя сторона крыльев была значительно темнее верхней. Драконию чешуя блестела подобно перламутру: казалось, под тонким слоем прозрачного лака, кто–то рассыпал изумрудную пыль. За сотни лет жизни Аэт ни разу не встречал такое красивое существо.

– Привет тебе, – эльф поклонился гостье. Та, окинув бессмертного горящим взглядом, хрипло выдохнула сквозь стиснутые зубы и отвернулась. Грудь крылатой

тяжело вздымалась, гребень шипов агрессивно топорщился.

Гуркан тронул Аэта за плечо.

– К ней лучше не приближайся. Она ненавидит весь мир, но твоё племя в особенности.

Эльф вздохнул.

– Её можно понять.

– Ещё бы... – отвернувшись, Гуркан подошёл к драконессе и что-то спросил на родном языке. Крылатая яростно огрызнулась.

– Они доставили всё, что ты просил, кроме фарфоровых кукол, – сообщил юноша. – Чем можно их заменить?

Аэт задумался.

– Сухое дерево может помочь, но опасность возрастёт в несколько раз.

– Ты берёшься? – нетерпеливо спросил Гуркан.

Эльф покачал головой.

– Куда спешить? Пошли нукера в ближайший городок, пусть...

– У нас мало времени, – резко оборвала драконесса. Голос у неё оказался низкий, звучный, и в то же время отчётливо женский.

– Почему? – спросил Аэт.

Люди переглянулись.

– Приближаться к Ронненбергу запрещено, – неохотно ответил Гуркан. – Мы здесь тайно.

Эльф задумчиво оглядел юношу.

– Кем запрещено? – спросил он спокойно.

– Король Торва... – начал было Гуркан, но драконесса оборвала его резким жестом крыла:

– Не будь идиотом, – бросила она сухо. – Эльфы легко различают ложь и правду.

Взглянув на Аэта, крылатая щёлкнула зубами.

– Была война, – сказала она коротко. – Восток против Запада. Уже три года, как мы победили. Последние очаги сопротивления остались лишь в Арноре, их уничтожают один за другим.

Эльф глубоко вздохнул.

– Элирания?

– Пала, – драконесса злорадно усмехнулась. – Свободной страны эльфов больше не существует. Есть провинция Чёрной Орды.

Она махнула крылом в сторону мёртвого города.

– Скажи, бессмертный: доведись вам захватить страну драконов – пощадили бы вы хоть одного ребёнка? Ответь!

– Мы не звери, – помолчав, заметил Аэт.

– Мы тоже, – с чувством сказала драконесса. – Мы тоже, эльф. Только нас, почему– то, считают зверьми. Почему? Почему над моей дочерью хотели проводить жестокие опыты и пускать ей кровь, словно свинье? Почему вы убили моего мужа, когда он пытался защитить ребёнка?

Аэт покачал головой.

– Не спрашивай меня о том, чего я не могу знать. Люди, эльфы, драконы, среди всех народов можно встретить злодеев.

– А мы пощадили твой народ, – прорычала крылатая. – Мы, видевшие от эльфов только горе – мы пощадили вас, когда захватили Элиранию!

Аэт развёл руками.

– Это делает вам честь.

Драконесса с огромным трудом взяла себя в лапы и отвернулась. Кончик длинного хвоста нервно подрагивал.

– За работу, – помолчав, приказал Гуркан. Аэт подошёл к груде вещей, доставленных нукерами.

Несколько минут он разглядывал каждый предмет. Люди и дракон ждали. Наконец, тяжело вздохнув, бессмертный обернулся к спутникам и кивнул.

– Можно начинать.

– Так начинай! – рывкнула драконесса. Аэт молча принялся за работу.

Первым делом он обтесал края досок и сложил ящик, похожий на открытый гроб. Несколько умелых движений долотом и стамеской, полчаса напряжённой работы, и доски были крепко стянуты деревянными клиньями, которые Аэт вставил в продолбленные отверстия. Нукеры с любопытством наблюдали.

Подняв динную доску, эльф точными ударами топора расколол её на четыре палки квадратного сечения и укрепил их крест–накрест на торцах ящика. Разбив ещё одну доску, он соединил кончики обоих крестов вначале попарно, а затем поперечинами между собой, используя только деревянные клинья без гвоздей.

Теперь настала очередь железных прутьев. Отобрав восемь штук, Аэт намертво прикрутил их проволокой к обеим горизонтальным поперечинам, соблюдая промежуток между прутьями в две ладони. Спустя час, на земле стоял высокий деревянный ящик, окружённый железной клеткой.

Гуркан всё же не выдержал:

– Что это?

– Я читал о таком устройстве в книге знаменитого мореплавателя Халмуда, – пояснил эльф. – Оно зовётся "Убийца молний".

Драконесса с явным интересом обошла творение Аэта.

– Как оно работает?

Эльф улыбнулся.

– За счёт самой молнии.

Подняв толстый моток проволоки, Аэт позвал нукера и вместе с ним обмотал прутья несколькими десятками витков, следя чтобы проволока нигде не пересекалась. Верхний конец эльф заплёл двойным узлом вокруг каждого прута, крестом протянул под поперечинами и завязал петлёй, оставив больше трёх футов между нею и крышкой ящика. Снизу он повторил то же самое, но петлю сделал, лишь отмотав два десятка футов проволоки.

– Отмерь каната вдвое против высоты башни, – приказал Аэт. Драконесса молча послушалась; эльф тем временем выкатил из кучи снаряжения тяжёлый моток цепи и позвал Гуркана.

– Дай нукеру белый флаг и пошли за ворота. Пусть глубоко закопает один конец цепи, придавит его булыжниками, а сам вернётся в город и поднимется на стену. Рассредоточь воинов в линию так, чтобы каждый видел другого, и пусть все следят за наблюдателем. Если увидят, что он машет флагом – значит цепь выскочила из земли; тогда бегите прочь от башни.

Эльф обернулся к драконессе:

– Ты тоже следи за стеной. Увидишь флаг – бросай канат и лети вверх, словно у тебя хвост загорелся. Опоздаешь хоть на миг, так и будет.

Крылатая с сомнением оглянулась на ящик.

– Я не поняла, с какой стати мне к туче приближаться? Молнии и драконы – давние враги.

– Если всё сделать правильно, молний не будет вовсе, – объяснил Аэт. – Это устройство убивает молнию раньше, чем та успевает родиться.

Драконесса опустила голову.

– Его придумали люди, верно? – спросила она с горечью.

Аэт помолчал.

– Верно, – эльф положил руку на сверкающее крыло. – Слушай. Я буду внутри ящика. Привяжи канат к петле, взлети выше туч и осторожно поднеси меня к окну башни. Пока цепь одним концом находится в земле, молний не будет, поверь.

Драконесса несколько секунд сидела молча. Затем что– то сказала Гуркану на родном языке и с тоской оглянулась в сторону руин, где её ждала окаменевшая дочь. Молодой хан бросил на Аэта очень недобрый взгляд.

– Клянусь, Талия, мы присмотрим за твоей малышкой, – ответил он на общем языке. Хрипло вздохнув, драконесса расправила крылья.

– Верю, – она шагнула к ящику и быстро, двумя движениями привязала канат. Гуркан тем временем инструктировал нукера. Пока эльф укреплял цепь в нижней петле, воин подхватил второй конец и побежал в сторону ворот. С ним отправились другие нукеры; спустя минуту Аэт, Гуркан и драконесса остались наедине с жуткой тишиной мёртвого города. Все трое довольно долго хранили молчание.

Первым гнетущее безмолвие нарушил эльф. Он проверял, хорошо ли держится цепь, сидя на корточках спиной к спутникам.

– Освобождая Ронненберг, вы предаёте товарищей, – заметил Аэт, не поворачивая головы.

Гуркан ответил не сразу.

– Нет, эльф, – сказал он после долгой паузы. – Я не зря ждал восемь лет. Война давно выиграна, магам будет выгоднее заключить договор с победителями, чем искать в лесах Арнора последних партизан.

Аэт тонко улыбнулся.

– Ты плохо знаешь магов. Они ненавидят, когда их ставят перед фактом. Многие жители Ронненберга присоединятся к вашим врагам лишь из чувства противоречия. Кроме того, подписать договор с Чёрной Ордой магам придётся на чужих условиях, а если они спасут остатки старых королевств – те с радостью отдадут спасителям всё, от золота до заложников.

Гуркан покачал головой.

– Это уже не играет роли. Рано или поздно город всё равно будет освобождён, и лучше сделать это сейчас, когда наши армии сильны, а враги почти уничтожены.

Эльф обернулся.

– Ронненберг посреди Чёрной Орды будет всего лишь осаждённым городом, – заметил он негромко. – Но тот же Ронненберг, после спасения Эравии и Арнора, станет править всеми землями нашего мира. Маги получают власть, о которой не мог мечтать ни один король в истории. Ты всё ещё сомневаешься, что они выберут?

Внезапно ответила драконесса, до сих пор молча слушавшая беседу.

– Зачем же ты нам помогаешь?

– Я не помогаю вам, – коротко ответил Аэт. – Я спасаю город.

– Значит, ты принимаешь на себя кровь всех народов, которых уничтожат разгневанные маги? – крылатая прищурила глаза.

Эльф медленно выпрямился. Молчание длилось так долго, что стал слышен шорох песчинок, гонимых ветром по несокрушимому монолиту улиц.

– Я должен спасти город, – тихо сказал Аэт. – Нельзя проходить мимо нуждающихся в помощи.

– А если помощь нужна ядовитой змее, готовой ужалить после спасения? – резко оборвала драконесса.

– Это не имеет значения. Никому нельзя отказывать в помощи.

Крылатая горько улыбнулась.

– Тогда почему ты отказываешься помочь нам?

Аэт покачал головой.

– Я помогаю вам.

– Чем? – спросил Гуркан. – Если ты освободишь Ронненберг и спасёшь

пленников подземелья, это будет помощь нам с Талией, лично. Но всем народам, победившим в войне, ты, Аэт – юноша ткнул пальцем в грудь эльфа – ты, лично, подаришь смерть.

Бессмертный отвернулся. Над мёртвой улицей повисло молчание. Наконец, изумрудная драконесса шагнула вперёд и склонила голову к эльфу.

– Освободи Ронненберг на час, позволь нам спасти пленников и вновь обрати город в камень, – сказала она мягко. – Ведь это не смерть. Спустя несколько лет, когда последние огни войн погаснут и опасности больше не будет, мы сможем вернуться сюда и дать магам свободу. До тех пор, спасение Ронненберга будет означать гибель миллионов, виновных лишь в том, что они родились не людьми.

Аэт закрыл глаза.

– Я тоже не человек, – сказал он негромко. – И потому не берусь судить, кто больше достоин жизни – тысячи мирных горожан Ронненберга, или тысячи солдат ваших армий, несущих смерть и рабство целым народам.

Он повернулся к драконессе.

– Сто сорок лет назад я увидел Ночь, – сказал Аэт, не раскрывая глаз. – Эльфы не бессмертны, дракон. Мы просто никогда не жили по– настоящему. Сто сорок лет назад, всего миг я был живым, и с тех пор медленно умираю, гнию в аду, которым стал для меня окружающий мир.

Он поднял веки. Крылатая отпрянула, увидев в глазах эльфа мёртвенный синий блеск.

– Как всякий умирающий, я научился ценить жизнь, – негромко произнёс Аэт. – Только взглянув со стороны, можно понять, сколь многое нам дано с рождения.

Он обвёл рукой каменный город.

– Здесь нет жизни и нет смерти, нет разума и нет эмоций. Нет времени. Я мог бы остаться здесь навсегда, это место лучше любого другого подходит бессмертному. Но я не бессмертен, я мёртв. Поэтому я верну жизнь этим людям, верну им право жить и умирать по своей воле.

– Ты вернёшь им право жить и убивать, – негромко ответил Гуркан. – Девять лет назад я познакомился с маленькой колдуньей, потерявшей семью почти сразу после рождения. Однажды она произнесла слова, которые я запомнил на всю жизнь:

"Только смерть нельзя исправить", сказала она.

Молодой хан обернулся к каменному городу.

– Это – исправить можно, – произнёс он жёстко. – Но даже боги не смогут вернуть к жизни тысячи наших друзей, которые погибнут, если освободить магов. Их всех убьёшь ты, эльф!

Аэт покачал головой.

– Не перекладывай ответственность на чужие плечи. Освободить Ронненберг решил ты сам, по личным мотивам. Я лишь исполнитель твоей воли, благородный хан.

Драконесса что– то сказала Гуркану на родном языке. Юноша сильно вздрогнул, переспросил. Крылатая кивнула.

Молодой хан обернулся к эльфу:

– Я иду с тобой. В башню.

Аэт удивлённо приподнял брови.

– Ты сознаёшь, о чём просишь?

– Да.

– Боюсь, что нет, – эльф вздохнул. – Видишь ли, Гуркан, если у меня не получится снять заклятие Джера аль Магриба, я останусь в башне навсегда. Это устройство, – он кивнул на клетку, – сработает лишь раз, выбраться из окна обратно будет невозможно.

Юноша отпрянул:

– Ты знаешь это, и всё равно идёшь?

Аэт улыбнулся.

– Тело моё гибло множество раз. А разум... – он вздохнул. – Разум медленно умирает уже сто сорок лет.

Видя, что Гуркан намерен возразить, эльф поднял руку.

– Не спорь. Когда я сниму заклятие, двери башни откроются и ты сможешь взбежать наверх, чтобы заставить меня вновь околдовать город. Тем временем твоя подруга, – Аэт поклонился драконессе, – будет спасать узников.

Человек и дракон переглянулись. Чтобы не тратить время на бесполезные

разговоры, Аэт скинул тунику, оставшись обнажённым, тщательно протёр тело, удаляя всякие следы пота, облачился в загодя высушенную, просторную крестьянскую одежду и натянул сапоги.

– Начинаем, – коротко произнёс эльф.

Так они и сделали.

9

Путешествовать в товарном вагоне мне никогда не нравилось, но особого выбора не было; первый поезд с пассажирскими местами для грифонов так и не успели построить. А потом началась война и нам стало не до удобства. Даже те поезда, что ещё ходили, доживали свой век; промышленность Элирании была уничтожена раньше, чем успела развернуться. Я знал, кто в ответе за это, и невольно выпускал когти всякий раз, когда вспоминал имя нойона Рогвальда.

По крайней мере, в товарном вагоне было тепло и никто не приставал с расспросами о потерянных крыльях. Волшебное копьё я обернул промасленной тканью и спрятал в солому.

Поездка должна была длиться шесть дней, но на середине пути паровоз сломался, и мы вместе с машинистом– гномом потратили четыре дня на ремонт котла.

Я люблю технику. Работа с нею успокаивает, машины можно разбирать и снова собирать, улучшать, воскрешать из мёртвых... А проектируя новые машины, чувствуешь себя творцом, первопроходцем, а не беспомощным калекой, чья жизнь продолжается лишь благодаря злему недоразумению. Будь моя воля, восемь лет назад я остался бы в тылу, продолжил восстанавливать фабрику и мог бы сохранить крылья. Но где там, фронту нужен каждый грифон. Я не жалею о прошлом; это была настоящая, яркая жизнь. Только очень уж недолго она продолжалась...

Наконец, утром одиннадцатого дня, поезд, скрипя всеми шарнирами, остановился в лесной глуши, у неказистого полустанка без названия. Отсюда начинался пеший путь в некогда самое секретное место Элирании, военную фабрику "Ноль", где много лет назад я впервые увидел дракона. Здесь же я впервые увидел мёртвого дракона, разрезал его тело, исследовал строение, построил модель скелета и теорию полёта для летающих машин... Странно, не могу вспомнить морду того дракона. Его убили на моих глазах, но было ли мне жаль великолепное крылатое существо, или напротив, я радовался его смерти – уже не помню. Наверно, что-то похожее на жалость я всё же испытывал, ведь брат мой в то время ещё не погиб, а сам я умел летать...

Их можно понять, этих крылатых ящериц; они немало натерпелись от эльфов и грифонов. Но то, что я понимаю их ненависть, не делает меня менее решительным. Драконы были, есть и, боюсь, всегда будут нашими врагами. С врагами надо сражаться. Сейчас, после войны, их осталось немного; большая часть рептилий во главе с вожаком по имени Тандер вернулась обратно за океан, в свою страну, о которой ходило больше легенд, чем о Поясе Богини. На наших землях поселилась только сотня самых непримиримых, ими руководил проклятый Ализон, ставший каганом варварских орд после гибели Владыки. Но и одной сотни драконов более чем достаточно, когда с земли их поддерживают миллионные орды степняков, а грифоны разбросаны по всей стране небольшими группами, без права подыматься в воздух после захода солнца, без права собираться в стаи, без права... Бесправные.

Такие невесёлые мысли кружились в моей голове, пока я шагал по тропинке, приближаясь к первому охранному периметру. Погода была пасмурной, в воздухе явственно ощущались предвестники грозы. Волшебное копьё непривычно оттягивало пояс; я слишком давно не носил оружия. Не стоит идти на фабрику с такой штукой... Ещё отнимут, или даже арестуют за незаконное ношение оружия. Подумав об этом, я свернул с дороги в лес, отыскал приметное дерево и опустился на траву, чтобы выкопать укрытие. Работа отняла немного времени.

Я уже собирался вставать, когда ощутил холодное прикосновение к шее и незнакомый голос с нажимом произнёс:

– Вокруг двадцать лучников. Без глупостей.

Медленно поднявшись, я обернулся. Передо мной стояли двое, словно сошедшие с работ художника Миэланора, любившего изображать картины жизни древнейших племён лесных эльфов. Одеты в блеклые жёлто–зелёные одежды, с ног до головы обшитые пучками травы и листьями, незнакомцы напоминали скорее ожившие кусты, чем воинов.

Оба принадлежали роду бессмертных, но больше ничего общего между ними не было. Один всеми чертами лица напоминал "типичного эльфа", как о них думают люди: красивые, утончённые, изящные. Ниже плеч, правда, этот эльф казался каким угодно, но не изящным; мощный, мускулистый, почти квадратный, телом он походил на северянина–вольха. Маскировочная одежда была столь совершенна, что узнать подлинный цвет волос не представлялось возможным.

Второй эльф, напротив, выглядел изящно и грациозно, пока взгляд не поднимался до лица. Лицо этого воина отличалось огромным, совершенно квадратным подбородком и могучими челюстями, которые так выдавались вперёд, что казалось – передо мной горилла, натянувшая на лицо эльфячью кожу. Из–за непомерных челюстей нос был немного вздёрнут, а лоб казался непропорционально маленьким, хотя был вполне обычного размера. Глубокие серые глаза смотрели безо всякого выражения, левую щёку разрывал длинный неровный шрам.

Ещё одна странность заключалась в волосах – угольно–чёрных, гладких, словно конская грива. Эльф вовсе не был уродом, но более запоминающегося и необычного лица среди этого народа я пока не встречал.

– Кто вы? – спросил я, опомнившись наконец от неожиданности. Впервые ко мне сумели подобраться так, что я не слышал.

– Ответ на этот вопрос зависит от того, кто ты, – ровным голосом ответил светловолосый. – Зачем ты закопал здесь оружие?

Сузив глаза, я окинул эльфов оценивающим взглядом. Они определённо не прислужники Орды, скорее – партизаны, отказавшиеся сложить оружие после капитуляции. Что могут делать партизаны так близко от военной фабрики, где содержат несколько пленных партизан?

– Я Кайт Кек'Хакар, командир 12–й авиадивизии, 1–ый оборонный корпус сэти–дана Наутагаскэ. С кем я говорю?

Эльфы переглянулись. Иногда их способность различать правду и ложь бывает очень полезной; не нужно ничего доказывать и объяснять. Хотя, порой это злит до рычания...

– Что ты здесь делаешь? – совсем другим тоном спросил черноволосый.

Я покачал головой.

– Теперь ваша очередь отвечать. Кто вы?

– Эльфы, – лаконично ответил бессмертный.

– А имена у вас есть?

Черноволосый усмехнулся. Из– за его челюстей, это получилось довольно жутко.

– Меня зовут Минас, – он коротко кивнул. – Это мой друг Ратогор. Так что ты здесь делаешь, Кайт?

Минас? Вздвогнув, я пригляделся к лицу эльфа и мысленно выругался. Всё верно, как и рассказывал Аякс, когда мы встречались в тюрьме, куда он попал за неудачную попытку революции; передо мной стоял незаконнорожденный отпрыск дана Ягонта Аннутирита. После подавления грифоньего бунта, его навязали во всадники юному Крафту, сыну Аякса. Что ж, теперь я точно знаю, что они здесь делают.

– Я прибыл спасти своего племянника Крафта Кек'Хакара и всех его товарищей – ответил я негромко. Это произвело впечатление; оба эльфа удивлённо переглянулись, среди деревьев послышались мелодичные голоса. Оглядев лес, я был вынужден признать, что либо потерял квалификацию, либо противниками были подлинны мастера. Никого не было видно.

– Добрая весть, – сказал Минас после долгой паузы. Его друг убрал руку с оружия. – У нас одна цель.

– Понятно, – вздохнув, я покачал головой. – Сколько вас?

Минас поджал губы.

– Мало. Слишком мало.

– Где держат пленных?

– Тебе знаком план фабрики?

Я усмехнулся.

– Её строили на моих глазах.

– Отлично, – Минас опустил на колено и дал мне знак сделать так же. Вот что мне нравится в эльфах – так это способность не тратить время на бесполезное сотрясение воздуха и сразу переходить к делу.

– Смотри, – он провёл пальцем по земле. – Вот река. Здесь – где раньше был драконий загон – стоят новые рабочие бараки, там держат Крафта и остальных.

Эльф помолчал.

– Вот здесь произошёл взрыв парового котла, когда с фабрики бежал красный Ализон, будь прокляты все его чешуйки. Спустя полгода эта территория была стёрта в порошок во время атаки драконов. Сегодня в бараках живут рабочие, большей частью – те самые, что и раньше. Степняки согнали их со всей Орды, пытаются восстановить фабрику.

– Без Тандера у них ничего не выйдет, – заметил я.

– Тандер?

– Так звали дракона, создавшего завод. Всё производство держалось на нём.

Видя непонимание, я пояснил:

– Изумрудный дракон Тандер, раб эльфов. Завод и все станки были построены по его проекту, но уже два года как Тандер и большая часть драконов улетели за океан, в свою страну.

– Мы знаем, – помолчав, отозвался эльф. Подняв с земли камешек, он положил его в центр схемы.

– Совсем недавно мы узнали, что один из подземных складов уцелел, и там находится летающая машина, способная выдержать удар молнии, а значит – спасти Ронненберг. Крафт сразу предложил похитить аппарат и...

– Эта машина сгорела восемь лет назад, – оборвал я. – Но даже тогда она не могла противостоять молнии.

Минас нахмурил брови.

– Откуда ты знаешь?

– Все летающие машины проектировал некий грифон по имени Кайт.

Эльфы уставились на меня, как единороги на девственницу.

– Ты строил летающие машины? – недоверчиво переспросил Минас.

– Я построил девяносто две модели и шестнадцать больших машин, из которых взлететь сумели четыре. В том числе и та, о которой вам сообщил предатель.

Радогор сузил глаза.

– Предатель?

Я коротко рассказал свою историю. Эльфы переглянулись.

– Так всё было подстроено... – стиснув зубы, Минас с размаха ударил кулаком в землю. – Мы перехватили курьера и он вымолил пощаду, поклявшись открыть важную тайну!

– Смелый человек, – заметил я мрачно. Радогор покачал головой.

– Не человек. Дракониха.

Я вздрогнул:

– Вы пощадили дракона?!

Минас усмехнулся:

– Почти. Мы обещали не убивать, и слово сдержали. Отвели подальше в лес, перебили лапы и бросили. Дракониша была молодая, сильная. Может, и выживет.

– А крылья мы ей... – начал было Радогор, но Минас толкнул его локтем и эльф запнулся, вспомнив, с кем говорит. Я через силу улыбнулся.

– Ничего, можешь продолжать.

Радогор закусил губу. На полянке повисла мрачная тишина.

– Что за оружие ты закопал? – спросил наконец Минас, явно желая разрядить напряжение. Я коротко пересказал историю Пики. Услышав про железного дракона, эльфы удивлённо переглянулись.

– Так он поселился в горах Моргана Тирит... – протянул Минас. – Мне хорошо знакомо это чудовище. Восемь лет назад я познакомился с... одной девочкой, умевшей управлять Ниддхеггом, мы с Крафтом даже проехали в чреве железного дракона. Эх, всё тогда могло бы пойти другою дорогою... А всего-то – надо было поверить ящерице.

– Ящерице? – переспросил я.

Эльф посмотрел мне в глаза.

– Она видела будущее, – сказал он серьёзно. – Она предсказала всё, что произошло с нами за эти восемь лет. Смерть подруги Крафта, затмение солнца в день,

когда родился его птенец, даже гибель Алисона. А мне сказала – "Через семнадцать лет тебя убьёт дракон".

Минас напряжённо усмехнулся.

– Так что, девять лет у меня ещё есть.

Я с сомнением оглядел темноволосого эльфа.

– Не к лицу воину верить гадалкам.

– Тут другой случай.

– Может быть... – встряхнувшись, я распушил перья на шее. – Так значит, подбитая вами драконша была совсем молодой?

– Почти птенец, – кивнул Радогор. – Даже жалко было лапы ломать.

Я постарался отогнать яркую картину, навеянную словами эльфа. Драконы враги, враги, ничего кроме мяса, чешуи и зубастой пасти. Они убили моего брата, лишили меня крыльев, разрушили весь мир, что я знал. Они заслужили и худшего. Враги, враги, просто враги. Очнись, Кайт, ты же сам резал точно такого дракона на ломтики. Это всего лишь ящерица, она первая отгрызла бы тебе голову!

Чтобы отвлечься, я встал с травы и медленно двинулся к тропинке, тянувшейся от железной дороги до фабрики. Минас и Радогор шли рядом, других эльфов из их отряда я до сих пор не заметил. Профессионалы...

– Драконы никогда бы не подставили детёныша, – заметил я негромко. – Рисковать своею жизнью они могут, но подвергнуть опасности детёныша – для них непредставимо. Вы уверены, что ящерица говорила правду? О том, что машина осталась цела?

Оба эльфа согласно кивнули.

– Однозначно.

– Она верила, что говорит правду.

Я остановился.

– Но десятки глаз видели, как горела моя машина. Когда нам с Аяксом рассказали, мы... – я стиснул клюв, – Машина погибла. Это точно. Значит, драконшу подставили собственные союзники, послали на смерть, чтобы изловить ваш отряд.

Минас прищурил глаза.

– Я слышал, среди варваров есть офицеры, любящие драконов не больше, чем

мы. После победы нужда в них пропала, теперь ящеры – лишь обуза для бывших союзников. А варвары всегда действуют прямолинейно...

– Но мы не варвары, – я усмехнулся. – Напиши записку на общем языке и пусти стрелу в любой гарнизон, где есть драконы. Пусть найдут своего искалеченного детёныша. Когда ящерица расскажет, как её подставили, отношения между Ализоном и ханами изрядно похолодеют.

Минас широко улыбнулся.

– Вот что значит – свежий взгляд. Мы тут, в лесах, сами стали варварами... Радогор, займись этим.

– Ясно, – второй эльф беззвучно растворился среди деревьев. Мы с Минасом подошли к тропинке.

– Что станешь делать? – спросил он.

Я задумчиво оглядел лес.

– Сначала, как и положено, явлюсь на допрос. Ждите у полустанка, сегодня вечером туда прилетит молодой серебристый грифон по имени Сапсан. Его легко узнать – он очень похож на меня. Сапсан сообщит, что делать дальше.

Эльф улыбнулся:

– Сын?

– Единственный, – я отвернулся. – Его держат заложником.

– Мы за ним присмотрим, – Минас положил руку мне на шею. – Будь осторожен, Кайт. Удачи тебе.

– Ни молнии, ни скал, – отшутился я и быстро, не оглядываясь, зашагал вперёд. Ощущение надвигающейся грозы достигло болевого порога.

Идти пришлось почти час, прежде чем впереди, за последними деревьями, открылась равнина, полого спускавшаяся к далёкой реке. Контраст с живописной природой леса был разительным. Мрачные, почерневшие остовы сторожевых башен, ржавая колючая проволока, обломки механизмов, за долгие годы поросшие травой и сорняками... Вдали уныло темнели рабочие бараки.

Фигурки людей с такого расстояния казались мухами, облепившими гниющий труп завода. Ощущение было, словно меня швырнули из мирной сказки про лесных эльфов и грифонов – прямо на войну. Реальную войну, где нет ни капли благородства

и романтики, зато в избытке есть горе, кровь, грязь и, конечно, царица Смерть.

Я покачнулся. Долгие годы в лагере и работа на каторге притупили память о войне. Да и не было у меня особых воспоминаний – с высоты грифоньего полёта, кровь земли не кажется красной. Я хорошо помнил плен, а войну... Война взглянула на меня только сейчас, из руин старого завода.

Взглянула, как никогда раньше. Восемь лет назад мы были молоды, умели летать и сражались с крылатым врагом, высоко в небе, где смертные крики заглушал свист ветра, а брызги крови не успевали оседать на перья. Такую войну воспевают в песнях, о таких битвах мечтают юнцы, едва сбросившие пух. Для такой войны нужны крылья.

Только потеряв небо, я понял, как много имел. Я научился видеть в траве сорняки и колючки вместо ровного зелёного покрывала, познал холодную слякоть осенних болот и обжигающий снег в поле за лагерными бараками, где охранники заставляли грифонов драться себе на потеху, награждая победителя лишним куском мяса. Еды всегда не хватало, и мы дрались.

Иногда в лагерь залетали драконы, обычно молодые, которых на фронт не пускали. У взрослых драконов– бойцов было принято татуировать на перепонке крыльев звёздочки по числу сбитых грифонов, а также носить за лапах браслеты с кисточками от грифоньих хвостов; юным этого не позволялось, но они нашли замену – грифоньи перья. Подрастающие ящеры любили привязывать по маховому перу к каждому рогу и хвостать перед знакомыми драконшами, будто добыли их в бою. На самом деле, они покупали перья в лагерях военнопленных, расплачиваясь безделушками, награбленными их отцами в богатой Элирании. В первые годы охранники лагерей обычно давали грифону, у которого рвали перья, двойной рацион, но потом перестали. Меня это миновало; перья рвать было неоткуда...

Сейчас, темнея засохшими струпьями в лучах утреннего солнца, руины старого завода словно выдернули меня из сегодняшнего дня и вновь, безжалостно, бросили в прошлое. Только уже не гордым грифоном, командиром летучей дивизии; плен вытравил из меня гордость. Сейчас я впервые увидел войну глазами рядовых солдат, эльфов или людей, от которых стремительные небесные битвы были столь же далеки, как Солнце, в лучах которого им на головы падали камни, стальные шипы и

бомбы с ядовитыми газами. А нередко и трепыхающиеся тела. Пернатые или чешуйчатые – так ли уж важно...

Всплеск памяти был до того неожиданным и сильным, что я несколько минут стоял на опушке леса, не в силах шагнуть вперед, к этим... останкам. Взгляд метался по равнине. Вон там, на острове, я когда-то, в другой жизни, запускал свои машины. Вот лётное поле... Оно заросло кустами и чертополохом, но я помню, отлично помню! Как-то раз, после неудачного испытания одной из самых первых моделей, я мрачно сидел перед её обломками, когда мимо, звеня кандалами, шли несколько драконов. Старший из них – большой, зелёный, с ярко-золотыми глазами – что-то сказал товарищам на родном языке, и все рассмеялись, звонко, весело, как умеют только драконы и дети. Я в бешенстве вскочил, принялся кричать, уже не помню что. А зелёный дракон, его звали Тандером, молча выслушал мои угрозы, подошёл к останкам машины и поднял с земли лист бумаги, где я отмечал изломы каждой детали.

– Не пытайся подражать птицам, – сказал он серьёзно. – Ты наполовину орёл и думаешь, что иного пути нет. Забудь о машущих крыльях, забудь о перьях. Взгляни сюда.

Несколько раз перегнув бумагу, дракон сложил из неё странную конструкцию, похожую на плоский треугольный наконечник копья с килем снизу. Пока я пытался понять, издеваются надо мной или готовят изощрённое покушение, Тандер странно усмехнулся и легонько подбросил свою конструкцию вверх. До сих пор помню шок, когда загнутый лист обычной бумаги пролетел почти десять ярдов, мягко планируя по воздуху...

Встряхнувшись, я с трудом прервал водопад воспоминаний. Прошлого не вернуть. Восемь лет назад дракон Тандер открыл мне глаза на путь создания летающих машин, но сегодня, я без колебаний убил бы этого дракона. К счастью, он давно улетел за океан... К счастью?

– Старею, – пробормотал я, ускоряя шаг. Меня уже заметили; впереди, у ржавой пены колючей проволоки, стояли несколько царэгов. Подойдя ближе, я узнал Мелика Ибрагима.

– Ты не слишком торопился! – резко сказал бек-нодар.

– Паровоз сломался в пути, я помогал чинить.

– Идём! – он направился к баракам. Следом за варваром, я молча вступил на территорию завода.

Первым, кого я там увидел, был Сапсан. Его держали в отдельном бараке и, судя по бешеному взгляду, не слишком сытно кормили.

– Ты в порядке? – спросил я коротко. Сын кивнул, стараясь всем видом показать презрение к царэгу.

– Они грозились отсечь мне крылья, – процедил он.

Мелик Ибрагим усмехнулся:

– Ещё не поздно...

– Поздно! – оборвал я. – Ваш приказ исполнен, господин. Если хотите, чтобы я покорно исполнял все дальнейшие приказы – отпустите моего сына.

Царэг пожал плечами.

– Он нам не нужен. Пусть возвращается и продолжает строить дороги. Да, и ещё... – он улыбнулся. – Если он случайно заблудится, пусть попросится с отцом.

Сапсан распушил все перья от гнева, но я схватил его за крыло и резко развернул к себе:

– Где держат птиц? – спросил на родном языке, придав голосу гневную окраску.

Он понял мгновенно:

– В двух крайних бараках. Окна там заплетены колючей проволокой.

– Отлично, – я резко ударил хвостом. – Лети к полустанку, что поблизости, и покрутись там до вечера. Ничему не удивляйся. Когда с тобой заговорят, назови своё имя и подробно опиши план, как переправить птиц в тёплые края.

Сапсан моргнул.

– Какой план?

– Который ты придумал, пока сидел в клетке, – я посмотрел ему в лицо. Юный грифон встрепенулся.

– А... Понял! – его глаза загорелись. Я потрепал сына по шее.

– Лети.

Он взмыл в небо, дал круг над руинами фабрики и рванулся прочь. Мы с

Меликом взглянули друг на друга.

– Жду приказов, господин, – я угрюмо поклонился.

– Сейчас, – он дал знак соседнему царю и, не скрывая злорадства, сказал ему на общем языке: – Пошлите драконов следом за птичкой. Когда с грифоном свяжутся бунтовщики, берите всех скопом.

Обернувшись, Мелик Ибрагим посмотрел мне в глаза.

И я его не убил.

10

Драконесса летела тяжело, ударяя крыльями в напряжённом темпе. Далеко внизу, подвешенная на длинном тросе, раскачивалась клетка, где стоял Аэт, от неё к земле тянулась цепь. С каждым взмахом крыльев всё большая часть цепи подымалась в воздух и лететь становилось труднее. Холодный ветер рвал перепонку.

Аэт смотрел, как приближается чёрная туча. Драконесса строго удерживала высоту окна, но сверху, из-за туч, она не могла видеть цель, и потому эльф сжимал верёвку с деревянным крюком на конце. Он должен зацепиться за окно и подтащить клетку поближе, пока дракон, изо всех сил загребая крыльями воздух, будет висеть над башней.

Чем ближе становилась туча, тем сильнее Аэт ощущал нарастающее напряжение. Запах озона уже не щекотал, а рвал ноздри, тревожно потрескивали коронные разряды на кончиках железных прутьев. Когда клетка окунулась в туман, волосы эльфа поднялись дыбом.

Драконесса сбавила скорость. Несколько минут Аэт тщетно вглядывался в серый туман, пытаясь увидеть окно, и наконец увидел – тёмную стену башни. Окна не было.

"Не та сторона..." – подумал Аэт. Но драконесса в высоте, очевидно, знала, где

искать окно. Раскачиваясь из стороны в сторону, клетка двинулась влево.

Эльф напрягся: в двух человеческих ростах над ним, стена башни зияла мрачным круглым отверстием. Рассчёты оказались ошибочны.

"Второй попытки может не быть" – подумал Аэт, размахнулся и забросил деревянный крюк в окно. Дёрнул верёвку; держит.

Тем временем драконесса, не видя сверху окна, продолжала медленно двигаться влево. Напрягая все силы, Аэт подтащил клетку к башне, пока прутья не ударились в кладку. "Убийца молний" со скрежетом проехал несколько футов.

К счастью, дракон в высоте почувствовал сопротивление и всё понял; эльф облегчённо вздохнул, ощутив, что движение влево прекратилось. Теперь предстояла самая опасная часть плана: выбраться из ящика через открытый верхний торец и всего за несколько секунд добраться до окна.

Аэт глубоко вздохнул. Верёвка держалась крепко, но между клеткой и подоконником было не меньше десяти футов. А тело эльфа уже приобрело мощный статический заряд; лучшей приманки для молний представить трудно. Конечно, можно было разрядиться, коснувшись заземлённых прутьев, но сила разряда вполне могла убить Аэта, и уж точно лишила бы сознания на много часов. Эльф закрыл глаза.

"Я смогу" – сильно выдохнув, Аэт бросил себя в воздух. Выскочив из ящика словно пробка, он в прыжке схватился за верёвку и моментально взлетел к окну. Подъём отнял меньше двух секунд; клетка, которую больше не удерживала верёвка, проскрежетала по стене несколько футов и внезапно с грохотом рухнула вниз, в серый туман. Ощувив уменьшение веса, дракон бросил груз, как и было условлено заранее. Теперь всё зависит от эльфа.

Прошло больше часа, прежде чем Аэт пришёл в себя и с огромным трудом вспомнил, где находится. Он лежал в холодной воде, лицом вверх, страшно болело всё тело. Эльфу потребовалось довольно много времени, чтобы понять причины своего состояния: за годы безмолвия, коридор, куда выходило окно, заполнился дождевой водой и, упав в неё, Аэт потерял сознание, разделив свой статический заряд с башней. Сильно электризованный воздух пощипывал кожу.

Привстав, эльф огляделся. Везде тот же серый, блеклый мраморный цвет,

грязная вода, запах гниющих листьев. Изнутри башня была заполнена серым туманом, видимо тучи проникли до самого верха. Вздохнув, Аэт подошёл к единственной открытой двери, выбрался из воды, снял мокрую одежду, выжал её и снова натянул. Было очень холодно.

Не тратя времени, эльф двинулся вверх по винтовой лестнице. Свет проникал из искусно проложенных щелей в стенах, роскошный ковёр на ступенях окаменел, и кабы не сапоги, Аэт не сумел бы ступить и шага. Все двери на пути были открыты; очевидно Джер аль Магриб заранее подготовил путь отступления. На миг Аэт удивился такому решению – он знал, что могущественные колдуны владели силой телепортации, и могли мгновенно перемещаться почти в любую точку планеты; но, немного подумав, эльф понял, что руководило аль Магрибом. Вероятно, колдовство, обратившее город в камень, сделало стены башни совершенно непроницаемыми для магии, или сам аль Магриб потратил на заклятие все силы, так или иначе – ему пришлось уходить обычной дорогой смертных.

"Маг непременно оставил бы ловушку" – подумал Аэт, когда дошёл до большой, красивой комнаты, где в дальней стене имелась мощная бронзовая дверь, покрытая изображениями звёзд и чертежами. У стен стояли книжные шкафы, в камине застыли каменные языки пламени. Эльф внимательно огляделся.

"Ловушка не должна быть энергетической; маг знал, что может пройти много лет, прежде чем сюда доберётся живая душа. Искать надо механические секреты."

На первый взгляд, в комнате не было ничего подозрительного. Покачав головой, Аэт осторожно приблизился к бронзовой двери. Она была приоткрыта – как раз достаточно, чтобы пролез худой человек.

Подумав, Аэт вернулся вниз, к окну, и вытянул верёвку, которая так и висела на подоконнике. Смотав её в моток, эльф вновь поднялся в комнату и остановился перед бронзовой дверью.

Несколько минут ушло на проверку. Аэт забрасывал крюк в комнату и тащил к себе, ожидая что сработает какая-нибудь ловушка, но всё было тихо. Наконец, решившись, эльф беззвучно скользнул в щель и сразу прижался к стене, стараясь не наступать на ковёр, покрывавший пол комнаты. В центре, на изящном каменном столе, лежала цель его поисков.

"Я мог бы догадаться" – подумал Аэт. На столе, точнее, вокруг стола, была обёрнута массивная металлическая цепь, состоявшая из множества сегментов, скреплённых спиральными пружинами. Широкая пряжка мирно подмигивала разноцветными огоньками.

"Пояс Богини!" – эльф с величайшей осторожностью приблизился к сокровищу. Он много слышал об этом предмете, который во времена его юности был главным объектом паломничества рыцарей со всего мира. Легенды наделяли Пояс множеством сказочных способностей, говорили что всякий, надевший его, станет бессмертен и неуязвим. Сотни героев проводили годы в поисках артефакта; малейшее подозрение, что Пояс был найден, могло вызвать войну. Аэт внезапно понял, что война, о которой говорила драконесса, вполне могла начаться именно из-за находки сокровища.

"Неважно, кто и с какой целью создаёт чудо..." – с горечью подумал бессмертный. – "Всегда найдутся те, кто готов развязать бойню за право обладания чужим творением."

Опустившись на колени, эльф внимательно осмотрел Пояс. Джер аль Магриб придумал очень простой способ победить Город Магов; надев Пояс на стол, который был вытесан из одного камня с башней, он, очевидно, каким-то способом приказал сокровищу расширить зону магической защиты до стен Ронненберга. Таким образом, подарив городу самую совершенную в мире защиту, аль Магриб надолго избавился от соперников по ремеслу и стал наиболее могущественным магом планеты.

"Я был прав" – подумал Аэт. – "Это место бессмертно. Здесь нет смерти, как нет и жизни – только покой и безвременье. Я житель этого города..."

Поднявшись, он взглянул на стол, вокруг которого был обёрнут Пояс. Там, окаменевший вместе с башней, лежал маленький медальон в форме рыцарского щита, украшенный слабо различимой в полутьме инкрустацией из серых камешков. Аэт задумчиво скрестил на груди руки.

"Джер аль Магриб не забрал медальон. Значит, скорее всего, он сам его здесь оставил. Для чего?" – эльф нахмурил брови. Возможно, этот медальон – магическая бомба, способная стереть всю башню в порошок, стоит кому-либо освободить город.

"Вполне отвечает мышлению чёрных магов" – мрачно подумал Аэт. – "Уж если

проигрывать, то так, чтобы победители прокляли миг своей победы".

Он огляделся. Башня Магистра, главное хранилище знаний Ронненберга, сама по себе совершенно бесценна. Каждая книга на этих полках содержит мудрость поколений, допустить их гибель невозможно. Тяжело вздохнув, Аэт скинул влажную рубаху, намотал её на руки и присел возле пряжки Пояса.

"Колдун мог смазать артефакт контактным ядом..."

Единственным органом управления на пряжке оказался большой стальной диск, по окружности которого мягко светились изумрудные иероглифы. Один из огоньков горел красным, напротив него в металле пояса был выгравирован треугольник. Эльф задумался.

"Похоже на рудные машины гномов..." – он с бесконечной осторожностью дотронулся до диска и повернул его против часовой стрелки.

В тот же миг стены комнаты потеряли страшный серый цвет. Шум ожившего города рухнул, подобно водопаду, на стенах вспыхнули факелы, тысячи запахов рванулись в ноздри Аэта. Эльф вскочил:

"Бомба!!!" – схватив медальон, он бросился к дверям.

Вниз по лестнице! Какой– то старик выглянул из бокового коридора, Аэт пронёсся мимо как ураган. Позади послышалось удивлённое восклицание.

Дверь! Ещё одна! Вниз! Перепрыгнуть через ошеломлённого юношу, глядевшего на эльфа, как на призрак. Коридор! Лестница! Дверь!

Выскочив из башни, Аэт едва не столкнулся с Гурканом, бежавшим навстречу. Сотни людей на улицах и в садах непонимающе озирались, всё большее их число обращали тревожные взоры к небу, где вращались тучи.

Аэт схватил молодого хана за плечо:

– Где дракон?! Скорее! Маг оставил ловушку, способную уничтожить весь город!

Сглотнув, Гуркан махнул рукой. Из– за башни выскочила драконесса.

– Отнеси это в лес! – крикнул Аэт, бросив ей медальон. – Выбрось там и улетай как можно скорее!

Поймав сокровище, крылатая кивнула и бросилась бежать, стремясь поскорее выйти из тени туч, чтобы взлететь. Горожане в панике уступали ей дорогу.

Под крики "Дракон!" и "Спасайтесь!" эльф указал Гуркану на окраину города.

– Пока не опомнились маги, надо освободить пленников.

– Бежим! – юноша первым метнулся вперёд. Эльф и нукеры кинулись следом.

Их дважды пытались остановить, но солдаты отбрасывали горожан в стороны.

У самой тюрьмы несколько стражников попробовали преградить бегущим дорогу; не останавливаясь, Гуркан рванул из– за пояса меч и на миг словно превратился в вихрь блестящего металла. Больше помех не возникало.

Первым в башню ворвался юный хан; его глаза горели бешенством и радостью, окровавленный ятаган дымился. Тюремщик, чьё окаменевшее тело всего полчаса назад стояло в дверном проёме, при виде врагов вскрикнул и хотел было запереться в камере, но Гуркан на бегу метнул меч, попав человеку в ногу.

– Ключи! – прорычал он раненому. Тот молча протянул юноше связку ключей. Отшвырнув тюремщика, Гуркан кинулся к клетке, где молодой воин и грифон непонимающе озирались.

– Кто ты? – спросил пленник, когда Гуркан отпер решётку. Юный хан стиснул зубы.

– Потом объясню. Забирай Ниагару и бежим! – он кинул ключи нукеру, стоявшему в дверях. – Освободи драконыша!

– Мой хан, нам придётся драться, – с тревогой ответил воин. – У башни десяток солдат.

Гуркан в бешенстве топнул ногой:

– Я ждал восемь лет!!! Джихан! За мной! – они с братом бросились к дверям. Пробегая мимо эльфа, бывший пленник едва не споткнулся, окинул его горящим взглядом, но останавливаться не стал. Последним камеру покинул грифон, с трудом протиснувшись в двери.

Из коридора послышался шум, затем внутрь заглянул нукер и бросил Аэту ключи:

– Освободи дракона! – крикнул он, исчезая следом за молодыми воинами. Эльф покачал головой.

"Смертные..." – вздохнув, Аэт склонился над замком и отпер решётку, державшую дракончика в плену. Малыш – он, как и мать, был изумрудным – в страхе

прижался к стене, глядя на эльфа громадными золотыми глазами. Когда Аэт раскрыл ошейник и поднял драконыша на руки, тот вцепился в его рубаху всеми коготками.

– Ну, ну, не бойся... – эльф успокаивающе погладил ребёнка. – Скоро увидишь маму.

Подойдя к дверям, он хотел было спуститься по лестнице, но увидел, как в дверях башни несколько разъярённых солдат сражаются с Гурканом и бывшим пленником. Братья виртуозно владели оружием, они буквально прорубали себе дорогу на волю; нукеры, сопровождавшие Гуркана, прикрывали их со спины, а последним шёл грифон, яростно рыча и разрывая людей в клочья стальными когтями. Соваться в эту мясорубку с дракончиком на руках было безумием.

Аэт поднял голову. Путь, которым они проникали в тюрьму, пока город был каменным, ещё оставался открытым, и эльф бросился вверх. Лестница... Комната... Коридор...

Впереди уже гостеприимно светило окно, когда дорогу Аэту преградили двое массивных солдат.

– Стоять! – бросил старший. Он был совершенно лысым, с грубым обветренным лицом, в руке держал толстое копьё и, похоже, был готов пустить его в дело. Второй солдат угрожающе поднёс к лицу эльфа короткий меч– гладиус.

– Куда это вы с драконом направились, а? – он протянул руку, желая схватить ребёнка. Аэту не осталось выбора.

Два грациозных жеста, круговое движение кисти вокруг клинка, ладонь дотронулась до груди человека – и солдата отбросило на пять шагов назад. При падении он сбил второго. Подхватив выпавший меч, эльф перепрыгнул через орущих стражников и бросился к окну.

Но его ждал новый сюрприз, поскольку окно оказалось не тем. Оно тоже выходило на карниз башни, однако две старые арки, по которым эльф собирался спуститься на землю, находились с другой стороны. Аэт стиснул зубы.

Покрепче прижав драконыша, он вылез на карниз и осторожно, боком двинулся влево. Впереди уже виднелись арки, когда яростные ругательства заставили Аэта повернуть голову: оба стражника, которых он сбил в коридоре, тоже выбрались на карниз и преследовали беглецов. Вместо меча, один из них теперь сжимал топор.

– Стой, гад! – заорал он, едва заметив эльфа. Аэт ускорил продвижение.

Но у людей не было в руках тяжёлого, перепуганного драконёнка, который отчаянно вырывался, размахивал крылышками и кричал прямо в лицо эльфу. Солдаты быстро сокращали дистанцию; спустя минуту, они уже почти догнали Аэта. Эльф хорошо видел ухмылки на грубых лицах.

– Стой, тебе говорят! – рявкнул лысый. Аэт ещё раз прикинул расстояние до арки, глубоко вздохнул...

– Дракон!!! – вопль снизу едва не лишил его равновесия. Вздогнув, эльф вскинул голову; в небе парила изумрудная драконесса. Стражники тоже увидели гостью и, очевидно, сообразили, зачем кому– то понадобилось похищать детёныша. Грязно выругавшись, старший замахнулся копьём.

"Сейчас или никогда!" – Аэт прыгнул. Он вложил в прыжок все силы, взвившись над башней, словно имел крылья. Второй стражник попытался ударить его топором; эльф ещё успел отбить атаку... Арка под ногами... Покатился!

Выпустив дракончика, Аэт ухватился за край арки и повис между небом и землёй. Малыш с отчаянным криком вцепился в его рубаху.

– Талия! – крикнул Аэт, – Талия!

Драконесса уже заметила беглецов и мчалась к ним быстрее арбалетной стрелы. Не тормозя над аркой, она подхватила своего детёныша, описала в воздухе круг и нырнула за эльфом. Аэт вцепился в мощную лапу.

– Прочь! – крикнул он. – Каждую секунду могут появиться маги!

Повторять не потребовалось. Воздух даже не застонал – закричал, когда его плоть взрезали драконьи крылья. Мир рванулся навстречу; город Магов быстро пропал вдали.

Талия приземлилась только через два часа, когда между нею и Ронненбергом пролегло несколько сот миль. Дракончик что– то лепетал, ласкаясь к матери.

– Гуркан вырвался? – спросила Талия, поставив Аэта на землю.

Эльф вздохнул.

– Они сражались, но с ними был грифон.

– Значит, вырвались, – драконесса смотрела только на малыша. – Эльф... Спасибо тебе.

Аэт покачал головой.

– Я не совершил ничего особенного.

– Ты вернул нам с Катаной жизнь, – просто ответила Талия.

Опустившись на траву, она взглянула в лицо Аэта.

– Немногие эльфы заслужили благодарность драконов, – тихо сказала крылатая. – Спасибо, Аэт. Если когда-нибудь окажешься в беде, назови любому дракону своё имя и увидишь: мы умеем быть благодарными.

Бессмертный улыбнулся.

– Среди всех народов встречаются злодеи. Но нет и не может быть народа, незнакомого с добротой.

Талия долго молчала.

– Куда ты теперь?

– Домой, – Аэт пожал плечами. – В Элиранию. Свободна она, или нет – это мой дом. А вы?

Драконесса с любовью погладила ребёнка.

– Мы тоже вернёмся домой, – сказала она негромко. – Я пригласила бы тебя в гости, эльф, только дом наш очень далёк. После войны большинство драконов во главе с ареал-вождём Тандером улетели обратно за океан, чтобы основать новые семьи взамен утраченных в эльфийском плену...

Аэт обернулся к западу и долго смотрел, как сверкают на горизонте ледяные вершины гор. Талия проследила его взгляд.

– Маги не станут сражаться, – сказала она, как бы пытаясь сама себя убедить. – Они не глупцы, с драконами никому не справиться. Наша страна непобедима, они должны это понять.

– Ваша страна очень далека, – негромко ответил Аэт. – Я слышал, есть лишь один путь через океан, и если его нарушить, драконы не смогут более посещать наши земли.

Талия с тревогой кивнула.

– Верно.

– На твоём месте, я бы поторопился домой, – Аэт взглянул в золотые драконьи глаза. – Первое, что сделают маги, если решат воевать – уничтожат путь в страну

драконов.

Крылатая взвилась:

– Они не сумеют!!!

Эльф грустно улыбнулся.

– Ты сама себе веришь?

Судорожно вздохнув, Талия умолкла. Некоторое время царила тишина.

– Зачем ты просил выбросить драгоценность? – спросила наконец крылатая.

– Какую? – не понял эльф.

– Эту, – драконесса протянула Аэту медальон, найденный им в башне. Теперь, на солнце, он сверкал рубиновыми отблесками, на платиновом поле инкрустация молодого алого дракона казалась живой, столь совершенна была работа. Удивлённый эльф поднял глаза.

– Я полагал, его оставил в качестве ловушки Джер аль Магриб.

– Сомневаюсь, – усмехнулась Талия. – Будь он ловушкой, ты не успел бы вынести его из башни.

Поиграв с медальоном, она спрятала драгоценность в кармашек на изумрудном поясе, который так сливался с чешуёй, что заметить его можно было лишь вблизи.

– Подарю Катане, когда подрастёт, – драконесса расправила крылья. – Прощай, Аэт! Счастливо добраться до дому!

Эльф проводил улетающего дракона долгим взглядом.

– И тебе счастливо, крылатая, – сказал он тихо. – Счастье нам всем очень пригодится.

Отвернувшись от неба, он молча пустился в путь. Впереди лежала долгая дорога.

Меня не стали даже допрашивать. Просто втолкнули в полутёмный барак и закрыли дверь. Воспоминания о лагере рухнули мутной волной, пришлось прислониться к стене и зажмуриться, чтобы справиться с болью.

Опомнился я только от знакомого голоса:

– Кайт? – огромный, растрёпанный грифон с грязными бело– золотыми перьями стоял в луче света из окна. Обе его руки были перевязаны потемневшими от крови бинтами, левое крыло бессильно волочилось по полу.

– Здравствуй, Крафт, – выдавил я. У стен подняли головы другие грифоны, несколько эльфов уселись на нарах. Барак заполнился шорохом. Почти все пленники были ранены, некоторые, судя по виду, тяжело. Очевидно, живыми удалось захватить только тех, кто потерял сознание от ран прямо на поле боя.

– Что ты здесь делаешь? – негромко спросил Крафт. – Ты...

– Нет, – покачав головой, я опустился на грязную кучу соломы у двери. – Нет. Меня вызвали сюда, якобы для допроса, но теперь я понимаю – они лишь хотели спровоцировать остатки твоего отряда на атаку.

Шёпот разом стих. Перья Крафта немного распушились.

– Ты видел наших?

– Видел, – я перешёл на родной язык и кратко поведал историю своего похода. Грифоны слушали в угрюмой тишине.

Когда я закончил, молчание ещё долго никто не прерывал. Наконец, Крафт судорожно выдохнул и опустился со мною рядом.

– Прости, – сказал он тихо. – По нашей вине пострадало твоё гнездо.

– Не болтай глупостей, – я через силу улыбнулся. – Будь у меня крылья, я давно стал бы одним из вас... Но сейчас, можно что–нибудь поесть?

Грифон вздрогнул.

– Конечно, – он вскочил. – Лакомств у нас немного, но для тебя найдём. Пошли!

До вечера мы тихо беседовали в углу барака. Пленники были измождены и

едва держались на ногах, у многих гноились раны. Крафт рассказал, что двое тяжелораненных уже скончались, так и не получив врачебной помощи.

Последний год, партизанский отряд Крафта и Минаса преследовали неудачи. Они не добились почти никаких успехов; парочка диверсий на железной дороге и разгром каравана с оружием были самыми крупными достижениями. Затем отряд потерял нескольких грифонов в стычке с одиноким синим драконом, оказавшимся ветераном с громадным опытом боёв. Убив троих нападавших, этот дракон даже погнался за остальными и забрал ещё одну жизнь, прежде чем отстал. Крафту пришлось срочно уводить отряд в леса.

Вот почему, когда партизаны сбили молоденькую драконшу, летевшую над самым лесом – очевидно, в Арнор – Крафт всеми когтями ухватился за возможность захватить летающую машину, способную, как он верил, прикрыть пилота от молнии и спасти Ронненберг.

– Восемь лет назад мы с Минасом уже видели летающую машину, – рассказывал мой племянник. – Я даже помог её хозяйке освоить управление. То было творение иной расы, гостей со звёзд, и нашим машинам не стать такими даже за тысячу лет..

Крафт рассказал многое. Мы провели в бараке более четырех дней; я с утра до ночи дрожал, ожидая, когда раскроются двери и к нам бросят окровавленное тело Сапсана. От ярости мутилось в глазах, только буйствовать и крушить стены я даже не пытался. Семь крылатых грифонов не сумели вырваться на волю за месяц, что сможет один бескрылый за несколько дней?

Но когда двери наконец раскрылись, за ними ждало зрелище, которое мы ожидали увидеть меньше всего на свете. А началось всё ранним утром пятого дня, когда снаружи, за стенами барака, послышался отчётливый звук взрыва.

Большинство пленников ещё спали. Мы с молодым эльфом Эллесаром играли в самодельные шахматы, когда звук заставил меня вскочить, перевернув раскрашенную табуретку. Впрочем, я и так выигрывал.

– Что это было? – тихо спросил Элессар. Не ответив, я подбежал к дверям барака; рядом встал едва проснувшийся Крафт. Мы одновременно прижались к грязным брёвнам.

Снаружи слышались крики и шум. Совсем рядом чей– то яростный вопль прервался хрипом, металлический звон арбалетной стрелы заставил нас отпрянуть. Кто– то с силой ударил в дверь барака.

– Айе, манварэ! – голос мог принадлежать только эльфу. Мы недоверчиво переглянулись.

– Это наши! – Крафт в восторге ударил здоровым крылом. – У них получилось!

Прежде чем я успел ответить, дверь распахнулась, и в барак влетел Минас. Серо– зелёная боевая раскраска на его лице казалась жуткой маской, маскировочные одежды были кое– где разорваны, в руках эльф держал укороченный десантный самострел.

– Крафт! – он подбежал к нам. – Выводи раненых! Мало времени!

Я схватил его за плечо:

– Сапсан жив?

– Живее не бывает! – эльф рассмеялся. – Нет времени рассказывать, выходите и соберитесь в группу! – он выскочил наружу. Пленные грифоны сонно оглядывались, не понимая, что происходит.

– Подъём, подъём! – Крафт кинулся к товарищам. Я был не нужен, поэтому, щуря глаза от яркого света, вышел из барака и огляделся. Увиденное заставило меня судорожно втянуть воздух.

Повсюду валялись тела оккупантов, утыканные корокими ядовитыми шипами. Вдали, у здания главного цеха пока шёл бой; два израненных, покрытых кровью дракона, обречённо отражали атаки десятка грифонов. На моих глазах один из ящеров упал и был немедленно добит.

Несколько эльфов в маскировочных комбинезонах стояли цепочкой между бараками и заводской территорией, держа наготове самострелы. Пока Крафт выводил израненных пленников, в соседнем бараке открылась дверь и наружу вышли двое. Я невольно попятился.

Высокие, светловолосые, люди были одеты в жёлто– зелёные маскировочные мантии с капюшонами. Двигались они энергично, быстро, чувствуя свою силу, сопровождавшие их солдаты носили необычную чёрно– зелёную форму с символом

перевёрнутой пентаграммы. Пока я пытался прийти в себя от неожиданности, два боевых мага стремительно подошли к пленникам.

– Все здесь? – нетерпеливо спросил старший, желтоглазый, со скуластым и властным лицом. Второй огляделся, заметил вдали израненного дракона и с ходу, даже не подняв посох, метнул в него молнию. Ящер с мучительным рыком рухнул на когти грифонов.

– Территория очищена, – сухо доложил маг. Его напарник перебрросил посох в левую руку.

– Сомкнуть круг! – приказал он. – Ты, ты, и ты – собрать оружие. Марш!

Минас и двое эльфов без лишних слов кинулись исполнять приказ. Тем временем, из второго барака выбрались оставшиеся пленники; маг нетерпеливо поигрывал посохом, пока раненные шли к нашей группе.

– Взались за руки! – приказал он, когда все собрались в круг. – Оружие бросить перед собой!

Почти все пленники молча подчинились, но мы с Крафтом, не сговариваясь, шагнули назад. И почти не удивились, когда маг, став в центре образовавшегося кольца эльфов и грифонов, взмахнул руками, выкрикнул отрывистую команду и с громким хлопком исчез вместе с пленниками. Я бросил на Крафта выразительный взгляд.

– Ронненберг, – это слово объясняло всё. Грифон согласно кивнул. Между тем, второй маг заметил нас и сурово нахмурил брови.

– Вам что– то неясно, птицы? – спросил он резко.

– Где мой сын? – я выпустил когти. – Серебристый грифон Сапсан.

Маг устало покачал головой.

– Жив. Это всё, что я могу сказать. У нас нет времени, рэйден побери! – подняв посох, он указал им на нас и выкрикнул уже знакомую команду. Мир с грохотом провалился в темноту.

Прежде, чем я успел понять, что случилось, руины завода, окровавленное поле брани и тела врагов оказались на расстоянии тысяч миль. Перед нами, в лучах заходящего солнца величественно сверкали известные всему миру башни Высшей Магии.

– Ронненберг... – потеряв силы стоять, я опустился на жёлтый песок. Рядом присел ошеломлённый Крафт. Несколько минут мы с ним молча смотрели на Город Магов.

– Крафт, – я моргнул, чтобы стряхнуть непрошенные слёзы. – Крафт, ты видишь?!

Грифон не ответил – он смотрел на сотни, тысячи воинов в столь знакомой и родной бело– золотой форме Арнора. К нам уже бежали солдаты, в стороне целители работали над ранами других освобождённых пленников. Могучее чувство силы наполняло воздух.

Я встал, с трудом поборов желание распахнуть утраченные крылья.

– Крафт...

Он обернулся, не стараясь сдерживать слёзы.

– Да?

– Скажи им... – я сглотнул, – Скажи, что грифон Кайт не может летать, зато умеет сражаться. Я не молод, но пока силён, скажи им это!

Крафт долго смотрел мне в глаза.

– Скажу, Кайт, – ответил он негромко. – Скажу.

И мы шагнули вперёд, к городу, подобно нам много лет ждавшему свободы.

Битва за будущее началась.

Аэт

Ночное небо медленно светлело. Холодный ветер неумоимо погонял стадо глупых туч, способных лишь плакать и бесноваться в нелепом гневе, пахло мокрой травой. Вдали, где небо и земля сплетались в вечном объятии, неумоимо разгоралась заря.

"Ещё один день" – подумал Аэт, чувствуя, как ручейки холодной воды нежно

щекочут босые ноги. – "Всего один день."

То же самое он говорил себе вчера. И позавчера.

"Наверно, скажу и через год..."

Открыв глаза, эльф вдохнул запах мокрой травы. На светлеющем небе, одна за другой, гасли звёзды; рассвет надвигался неумолимо, прогоняя беззащитную ночь в пещеры и лесные чащобы. Солнце прекрасно, оно творит жизнь и несёт радость. Но суть любой звезды – разрушение.

"Я должен вернуться" – вновь подумал Аэт. – "Я проводил годы, стремясь к совершенству. Во имя чего? Несколько дней назад я спас целый город и, быть может, теперь этот город станет причиной гибели стократ большего числа разумных. Так что же я совершил? Подвиг или преступление?"

Аэт обернулся к западу, спиной к восходящей звезде. Длинная тень протянулась от его ног к горизонту.

– Нам не дано знать будущее, – вслух произнёс эльф. Закрыв глаза, он долго смотрел назад, туда, где остался спасённый им Город Магов.

– Но сегодняшний день в нашей власти.

Ноги мягко ступили в траву. Дорога властно звала вперёд, тень трусливо подпрыгивала, мешая каждому шагу. Чуть слышно шелестел ветер.

"Пора вспомнить, чему учил меня старый лекарь," – подумал Аэт, убыстряя шаг. – "Кому нужно совершенство в пустыне? Сотни и тысячи разумных ежесекундно гибнут, многим из них я мог бы спасти жизнь."

Эльф улыбнулся. Приключение с драконом помогло ему понять свой путь, впервые за десять лет наполнило душу давно забытым огнём.

"Я сам построил стены своего ада" – подумал Аэт. И рассмеялся, раскрыв объятия навстречу ветру.

– Я жив! – крикнул он солнцу. – И буду нести жизнь всем, кто в ней нуждается!

Впереди лежала длинная дорога. Эльф не знал, куда она ведёт.

Но он собирался проверить.

Кайт

Ночное небо медленно светлело. Холодный ветер неумолимо погонял стадо глупых туч, способных лишь плакать и бесноваться в нелепом гневе, пахло мокрой травой. Вдали, где небо и земля сплетались в вечном объятии, неумолимо разгоралась заря.

"Ещё один день" – подумал я, чувствуя, как ручейки холодной воды нежно щекочут пальцы. – "Всего один день..."

То же самое я говорил себе вчера. И позавчера. И год назад.

Наверно, скажу и через год.

"Ещё один день. Выдержать всего один день..."

Открыв глаза, я вдохнул запах мокрой травы. Как всегда в предрассветные часы, раны пульсировали застарелой болью. Я привык даже к ней, привык мечтать о небе, словно никогда не был его жителем...

– Отец, ты опять простоял тут всю ночь?

Вздрагнув, я пришёл в себя и оглянулся. Из ангара глядел заспанный Сапсан, все его перья были взъерошены и шевелились на ветру, словно серебряный мех.

– Нет, я недавно проснулся.

Он выбрался наружу и потянулся, игриво царапнув когтями дощатый настил. Окинул меня цепким взглядом.

– У тебя кровоточат крылья.

Я невольно перевёл взгляд. Там, где под серыми, с металлическим отливом перьями, когда-то росли мои крылья, темнели два пурпурных пятна. Помолчав, я молча отвернулся.

– Кайт, прошло уже десять лет... – мягкое прикосновение заставило меня вздрогнуть. Сапсан стоял рядом.

– Не терзай себя.

– Я в порядке, сын, – мне почти удалось улыбнуться. Почти. – Ты прав, прошло уже десять лет. Это большой срок.

Вздохнув, я потрепал Сапсана по шее.

– Готов, пилот?

– Всегда готов! – он распушил все перья разом. Мы рассмеялись.

– Идём, – я обернулся к реке. – Пора штурмовать небо.

Сапсан молча двинулся следом.

Сегодня должно было состояться первое лётное испытание модели "99". Я некоторое время стоял на берегу, глядя, как чёрный дым из трубы уносится в небо.

Жар заставлял воду бурлить вокруг катапульты, массивные каменные быки почернели от копоти. Ниже по течению синие волны Лейаны меняли цвет на серо-бурый, воспалённый, и с грохотом обрушивались в озеро, лежавшее тремя сотнями ярдов ниже. Деревья вдоль обоих берегов давно пустили на дрова.

"Может, так будет лучше для всех..." – родилась мысль. – "Чем быстрее обитатели леса его покинут, тем меньше их погибнет потом, когда здесь построят новый завод"

Для испытаний 99-ой модели русло Лейаны пришлось расширить и выпрямить на протяжении почти ста ярдов от водопада. Несколько минут я молча разглядывал своё детище.

99-я значительно превосходила прежние модели размерами и сложностью. Длинная, стремительная, с шестью стрекозиными крыльями и широким хвостом, машина замечательно смотрелась на воде. Чёрное чудовище паровой катапульты – и прекрасная птица, готовая рвануться вперёд и воспарить над водопадом, подобно мечте бескрылого грифона...

Я невольно подумал, что такая красивая модель не может подвести. Три года прошло с освобождения Элирании, три бесконечно длинных года, пролетевших, как один миг. После пробуждения Ронненберга, судьба Чёрной Орды была решена. Маги взорвали два острова, навсегда перекрыв драконам путь в наши земли, а ящеров, что не успели улететь, перебили всех до последнего. Я слышал, только в королевском зверинце Арнора остался один детёныш. С помощью магов, армии Арнора, Элирании и опомнившейся Эравии раздавили варваров и изгнали их обратно в степи, на голодную смерть. Всего три года – и мир стал другим.

Для меня, эти три года были полны тяжёлой работы. На фронт меня не пустили, помешало увечье, и пока Сапсан воевал вместе с друзьями, я проектировал

новые машины. Вернувшись с фронта, сын и другие бывшие каторжники почти без отдыха приступили к работе.

99–ю модель строили свыше полугода. Ткань для крыльев привезли с далёких островов фуухов, бамбук купили у торговцев из Арахаба, растяжки и лонжероны ковали лучшие мастера–гномы. 99–я должна полететь. Обязана.

– Машина работает, – словно прочитав мои мысли, сказал Сапсан. Оказывается, он всё это время стоял рядом. – 99–я полетит, отец.

Я закрыл глаза.

– Столько лет неудач, сын. Десятки попыток, сотни испытаний. И всё напрасно.

– Но 99–я совсем непохожа на старые модели, – попытался он. – Ты провёл огромную работу, создал новую науку...

Я фыркнул.

– Грифон, incapable летать, создаёт науку о полёте.

Сапсан опустил глаза.

– Отец, ты больше всех нас достоин неба, – сказал он с горечью. Я покачал головой.

– Моя главная ошибка в том, что я проектирую модели в расчёте на грифона. Мы слишком тяжелы, сын, летающая машина нас не поднимет. Если 99–я не взлетит, следующую модель я спроектирую для человека.

Он отпрянул.

– Кайт! – глаза Сапсана широко раскрылись. – Но... Но как же ты?! Ведь все эти годы ты мечтал...

– Пора становиться реалистом, сын, – прервал я сухо. – Мечты в небо не приведут. Лучше иди, готовься – до испытания осталось мало времени.

Помолчав, Сапсан направился прочь. Я вновь обернулся к реке.

"Полети..." – взмолился я мысленно. – "Во имя неба, что я потерял, полети! Верни мне крылья!"

Машина тихо покачивалась на воде. Вдоль тонких растяжек бриллиантиками мерцали капли росы.

Спустя час давление пара в котле достигло нормы, и можно было приступать.

Все собрались на правом берегу реки, гномы уселись на спины грифонов, чтобы лучше видеть. Группа сопровождения во главе со Станом разминала крылья, стоя на утёсе вдали.

– Будь осторожен, – сказал я Сапсану. – Почувствуешь неустойчивость – сразу в воздух, не пытайся спасти машину. Понял?

Он улыбнулся.

– Не бойся, отец.

Я последний раз проверил давление и прыгнул в воду; глубина здесь достигала живота.

– Всё получится! – в голосе сына звучала излишняя бодрость. Они всегда стараются отвлечь меня от мрачных мыслей, думают – так будет легче... Дети, наивные дети.

Когда я добрался до берега, Сапсан уже сидел на месте пилота. Гном Дагос, проектировавший катапульту, держал пусковой трос.

– Начали? – спросил он.

Я отряхнулся.

– Сапсан, готов?

– Готов! – он помахал крылом. Я на миг зажмурился.

"Небо, не отвергай меня вновь..."

– Запускай.

Оглушительный свист катапульты был всем нам слишком хорошо знаком, чтобы вздрагивать. В облаке пара 99– я рванулась вперёд и сорвалась с водопада; наклонив нос под острым углом, машина ринулась к далёкому озеру. Все бросились на мост наблюдения.

– Летит! – донёсся чей– то крик. Я замер на самом краю моста, вцепившись когтями в перила, Дагос негромко ахнул. Остальные молча смотрели.

Далеко внизу, над самым озером, парила моя мечта. Машина слегка покачивалась в полёте, было заметно, что пилоту трудно удерживать курс. Но она летела! Летела!

Сапсан сумел продержаться в воздухе почти пять минут. Наконец, высоты не хватило, и 99– я, клюнув носом, опустилась в озеро, подняв тучу брызг. К машине

сразу спикировали грифоны сопровождения.

Некоторое время царила мёртвая тишина. Все смотрели, как Сапсан вынырнул из воды, что– то крикнул Станаху и мощно ударил крыльями, взлетая с поверхности. Никто не издал ни звука, даже когда грифон опустился на мост и поклонился мне.

– Отец, – Сапсан с трудом держал себя в руках. – Как полагаешь, это стоит отметить?

Я не знал, что ему сказать. Все слова, все речи, что готовил я по ночам, мечтая об этом миге – всё куда– то испарилось.

Я просто стоял на краю обрыва, в лучах утреннего солнца, и чувствовал, как ветер наполняет мои крылья.

Конец

Битва за будущее	1
Кайт	1
Аэт	3
1	5
2	11
3	16
4	19
5	23
7	35
8	44
9	52
10	63
11.....	72
Аэт	77
Кайт	79